

ПРЕДИСЛОВИЕ

Л.Н.Толстого

~~~~~

Существует написанная более 450 лет тому назад неученым человеком, Петром из деревни Хельчицы, книга, почти совсем неизвестная.

В книге этой, озаглавленной "Сеть веры", мы находим не только простое, ясное, сильное и правдивое обличение того ужасного обмана, в котором жили и живут люди, веруя в самое чуждое истинному христианству и воображая, что они исповедуют христианское учение; мы находим в этой книге еще и ясное указание того единого благого пути жизни, который открыт был людям Христом.

Всякая жизненная истина, долженствующая служить руководством поведения людей, если и проявляется в сознании святых людей сразу, во всей полноте своей, в большинстве людей проявляется медленно, постепенно, незаметно, порывами, иногда как будто совершенно скрываясь и вновь проявляясь новыми усилиями, подобными потугам родов.

Так было, так и теперь еще это происходит с христианством. Христианская истина была принята сначала небольшим числом простых, неважных, небогатых людей во всем ее значении. Но по мере распространения ее среди большого количества людей и людей богатых и знатных она все более и более извращалась, и со времени учреждения церкви (со времен Константина, как говорит Хельчицкий) так извратилась, что главное истинное жизненное значение ее было совершенно скрыто от людей и заменено внешними, чуждыми сущности христианства формами.

Но истина, вошедшая в сознание людей, не может заглухнуть. Вне церкви, в том, что церковники называли ересями, всегда оставались верные пониматели и исполнители истинного христианского учения. И совершались опять и опять новые и новые потуги его возрождения. И всякий раз все большее и большее число людей делалось причастными христианской истине в ее настоящем значении.

Таким верным понимателем и возродителем христианской истины был Хельчицкий. Главное сочинение Хельчицкого, "Сеть веры", есть указание на то, чем должно бы быть христианское общество по учению его основателя и чем оно ехало при извращенном учении.

Вот что говорится в предисловии к книге:

"Книга эта, носящая заглавие "Сеть веры", сочинена Петром из Хельчицы. Он написал много полезных книг по закону Божию для преуспевания церкви в борьбе против антихриста и наваждений его, и если книга эта до сих пор мало видела свет, то причиною этого было духовенство, которое не переставало и не перестает представлять народу книги Петра

Хельчицкого блудными и еретическими, и все из-за того, что он осуждает его образ жизни. При всем том многие люди из всех сословий охотно читают и эту книгу Петра Хельчицкого и другие его сочинения, невзирая на то, что он был мирянином и в латыни не ученым, потому что хотя он и не был мастером семи искусств, но поистине был исполнителем девяти блаженств и всех заповедей Божиих и был, таким образом, настоящим доктором чешским. В этой книге Хельчицкий касается всех сословий, начиная с императоров, королей, князей, панов, рыцарей, мещан, ремесленников и кончая сельским сословием; но особое внимание обращает он на духовенство: на пап, кардиналов, епископов, архиепископов, аббатов и всех орденских монахов, деканов, настоятелей приходов, викариев. В первой части этой книги излагается, каким путем и способом страшное развращение проникло в святую церковь, и доказывается, что только удалением из церкви всех человеческих измышлений можно добраться до истинного основания ее — Иисуса Христа, во второй говорится о возникновении и размножении в церкви разных сословий, которые только препятствуют истинному познанию Христа, ибо они преисполнены духа гордости и всеми силами противятся смиренному и кроткому Христу".

И действительно, Хельчицкий, как в этой книге, так и в других своих сочинениях, не оспаривает, как предшественник его Гус и как жившие и действовавшие после него Лютер, Меланхтон, Кальвин, церковные папские установления и догматы, он только показывает то, что жизнь людей, считающих себя христианами, не христианская; что христианин не может пользоваться властью, не может владеть землями или рабами, не может роскошничать, не может жить распутной жизнью, не может казнить, не может, главное, убивать и воевать.

Хельчицкий не спорит о спасении делами или верою, о предопределении и вообще о догматах; он требует только того, чтобы все постановления церкви были доступны пониманию народа. Он не отрицает их, но говорит о жизни христиан, показывает, что земные владыки, войско, суды, дворянство несовместимы с христианской жизнью (он даже считает городское сословие несовместимым с христианством). Главное же, он показывает, что казни и войны немыслимы для христианина. Он показывает, что соединение христианства с государством — то, которое совершилось теперь, — погубило, уничтожило христианство, но что должно быть наоборот: христианство, соединясь с государством, должно уничтожить государство.

И он доказывает, что это возможно, что отсутствие государственной власти не только не уничтожает порядка в жизни людей, но уничтожает беспорядок и зло, от которого страдают люди.

В этом и причина неизвестности книги и деятельности Хельчицкого. Книга и деятельность Хельчицкого в области христианского человечества занимает то же положение, которое занимает христианство в области всего человечества. Она слишком опережает свое время. Пора ее плодов еще не

настала. Уничтожение папского авторитета, индульгенций и многое другое, сделанное Лютером, было по силам современных ему людей, но то, что говорил Хельчицкий, не могло быть принято не потому, что оно неясно или несправедливо, — все, что он говорил, напротив, слишком ясно и справедливо, — а потому, что то, что он говорил, слишком опережало свое время.

То, чего требовал Хельчицкий, не может быть принято и теперь, тем менее могло быть принято в его время. Опровергнуть то, что говорил Хельчицкий, нельзя было; по крайней мере тогда люди были еще настолько честны, что считали невозможным отрицать то, что Христос учил тому, чему учил, т. е. чтобы люди любили не только любящих их, но врагов, переносили обиды, платили, добром за зло и считали всех людей братьями, и что такое учение несовместимо с существующим устройством жизни. И потому неизбежно возникал вопрос: что удержать — христианство или установленное устройство? Если удержать христианство, то ясно, что власть имеющим надо отказаться от власти, богатым отказаться от богатства, средним отказаться от обеспечения себя насилием, бедным и подвластным отказаться от повиновения тому, что негативно христианскому закону (а в государстве вся общественная деятельность противна христианскому закону), и поэтому подвергать себя гонениям. И все это страшно.

Если же удержать существующее устройство, зная, что оно нехристианское, то это значит отречься от христианства. И это тоже страшно. Что же оставалось делать? Одно: забыть то, что говорил Христос, что говорил Хельчицкий и говорила совесть; и не думать, не говорить про это.

В этом причина неизвестности Хельчицкого и его книги.

Книгу замолчали, забыли ее. Если десяток ученых знает про нее, то они смотрят на нее только как на исторический, литературный памятник.

Но духовные богатства человечества никогда не погибают, а только доходят, как жесткие плоды. И чем дольше они дожидаются своего времени, тем они ценнее. То же и с Хельчицким и его книгой.

Книга его недавно и в первый раз была напечатана русской Академией наук, и никто, разумеется, не только не читал, но и не слыхал про нее, как и про все то, что с такими большими расходами и с такой важностью печатается в изданиях академии. Сочинения Ницше, Золя, Верлена напечатаны в десятках изданий и сотнях тысяч экземпляров. Всем известны малейшие подробности жизни этих людей, но книги Хельчицкого до сих пор не напечатаны, даже и в Чехии и в Германии, не говоря уже об Англии и Франции.

И о самом Хельчицком почти ничего неизвестно. Предполагают, что он родился около 1390 года и умер около 1450. Одни думают, что он был дворянин, другие — что он был крестьянин, сапожник или земледелец. Я думаю, что он был земледелец.

О том, что он был земледелец, мужик, я заключаю, во-первых, по сильному, простому, ясному языку книга, во-вторых, по мудрости книги, вследствие которой автор всегда знает, что важно, что менее важно, и всегда на первое место ставит важное, в-третьих, по той сердечности и наивности, с которой он иногда по-мужицки, грубо и сильно, с негодованием, иногда с горькой насмешкой говорит о том, о чем, очевидно, болеет душою.

"Сеть веры" — старая книга по времени, по значению же и содержанию своему — это самая новая книга, настолько новая, что люди нашего времени еще далеко не подготовлены истинным просвещением к тому, чтобы быть в состоянии понимать ее. Но время ее придет и приходит.

Ведь христианство не человеческая выдумка, не одна из временных форм, в которые складываются человеческие общества, но истина, — если не на каменных скрижалях на Синае появившаяся, то еще тверже, чем на камне, написанная на сердцах всех людей. И как только она высказана, ничего уж нельзя выцарапать из сознания людей. Истина эта ждала и будет ждать еще, но от этого только очевиднее сделается и только настоятельнее будет требовать своего исполнения.

Вычеркнуть из христианства нельзя то, что христиане, как говорит Хельчицкий, должны "не быть участниками мудрости мирской", не быть чиновниками, судьями, военными, а переносить все несправедливости смиренно, терпеливо, не оплачивая злом за зло, не ропща и не мстя. Сколько ни старались и ни стараются разговорить эти истины, — истины эти остаются истинами и сквозь все веками придуманные для скртия их софизмы продолжают прямо, непосредственно захватывать сердца людей.

Как же быть? До сих пор решали дилемму тем, что замалчивали христианство или грубо лгали на него и удерживали государство.

Но не миновать людям попробовать и другое, противоположное решение, отказаться от государства и отдаться христианству.

И решение тем более будет благоразумно, что все государства с своим насильническим устройством до сих пор не только не дали тех благ, которые обещали, а, напротив, все больше и больше увеличивают те бедствия, которые несут люди, и люди все больше и больше извериваются в них.

Вот этому-то новому и благому решению и содействует эта мудрая, сердечная и нужная книга Хельчицкого.

Несколько выдержек из нее помещены в недельных чтениях „Круга Чтения“.

ИЗ ВВЕДЕНИЯ

ординарного академика И. В. Ягича.

I

По смерти мистра Иоанна Гуса в Костнице 6-го июля 1415 года настало среди чехов сильное брожение, начало которого относится еще ко второй половине XIV столетия. Знаменитые проповедники Конрад Вальдгаузер, Ян Милич, возвещавший в пылких речах своих пришествие антихриста, Матвей Яновский, неустрашимый радикальный мыслитель, и особенно сам Ян Гус, — все стояли за всеобщее исправление церкви во главе и в членах ее, сообразно с церковными правилами. Мистр Якубек ввел, кроме того, еще причащение под обоими видами — хлеба и вина, что и Гус, находясь уже в темнице, одобрил. Чаша стала знаком приверженцев Гуса, которые с этих пор получают прозвище „калишников”¹⁾. Народ собирался громадными толпами под открытым небом слушать проповеди своих священников и принимать от них причащение хлебом и вином.

В то же время (до 1420 года) поднимаются также вопросы другого рода, волновавшие еще более и без того уже возбужденный народ. Так, проповедывалось даже, что с кончиною шестого тысячелетия вновь придет Христос, но не за тем, чтобы судить людей последним судом своим, а чтобы стать царем тысячелетнего царства, в которое войдут только избранные. Восстанут, чтобы войти в это царство Божие, и мертвые, и в числе их прежде всего, разумеется, Ян Гус. Все дурные должны погибнуть, тогда останутся только те, которые, следуя слову евангельскому, бегут в горы, в те „пять городов”, которые одни останутся. В этом царстве люди будут так совершенны, что обойдутся без законов, без наказаний. Разум их просветится светом божественным, так что закон библейский, как излишний, будет упразднен. Поэтому не будет также различия сословий и состояний, настанет всеобщее блаженство. Тогда перестанут существовать школы и наука, государства и церкви.

Последствием этих мечтаний явились новые недоумения; главным образом спрашивалось: нужно ли истреблять всех неверных безбожников еще до начала этого царства или нет? можно ли братья за оружие в интересах веры? Последний вопрос решался утвердительно, и решение это встретило вообще одобрение. Рассуждали также особенно о том, имеет ли право христианская община бороться за правду Божию, если светские власти колеблются. Дело было перенесено даже на суд ученых мистров, которые и решили, что это дозволяется, но только в том случае, если

---

¹⁾ Чаша — по-чешски „калиш”.

светские власти действуют прямо противно этой правде. А когда в 1420 году был объявлен общий крестовый поход против чешских еретиков, и Сигизмунд подступил к Праге, все сошлись на одном решении, что борьба должна быть сочтена неизбежною. Крайний радикал, священник Ян стал во главе преследуемых пражских „подобоев“, на помощь к которым стекались со всех сторон Чехии вооруженные защитники. Начальниками их являются Николай из Гусинца и Ян Жижка. Напрасно старался Ченек уладить дело миром, ведя переговоры с Сигизмундом. Сигизмунд отверг все предложения пражских посланцев, что и стало вызовом к борьбе против него, как врага закона Божия и чаши. Страшное поражение императорского войска на Жижковой горе (14-го июля 1420 г.) послужило началом знаменитых гуситских войн.

Рядом со всем этим волнение умов усиливалось иконоборством, опустошением церквей и монастырей по смерти короля Вячеслава IV (1419 г.) и ересью пикардов, проявившею свою деятельность еще годом раньше. Эти пикарды проповедывали, что хлеб и вино — только простые знамения (обозначения) тела и крови Христа. Самою крайнею степенью возбуждения, вызванного предстоящим хилиазмом, явилась хилиастическая ересь адамитов, которые ходили нагими и имели общих жен; они были истреблены в 1421 г. Жижкой. Из священников таборских дальше всех зашел Мартинек Гуска, который тело Божие называл „идолом и мотылем“ и „говорил нам, что царство святых на земле будет новое“.

Среди этого боевого грома и смятения умов слышим мы одинокий голос человека, прославившегося многочисленными рассуждениями по вопросам веры и нравственности, которые потом легли в основание учения так называемых чешских братьев. Это — Петр Хельчицкий, который протестует против всех проявлений враждебности и насильственных действий, не соглашаясь даже с мнением университета. Вместо вопроса: следует ли сражаться за веру, он сделал шаг дальше, рассуждая: следует ли вообще братья за меч? согласна ли вообще война с христианским законом? Ответ его на это был отрицательный. Мысль эта, именно, что война не допускается ни на каких условиях, повторяется в сочинениях Хельчицкого не раз.

II

О Хельчицком вообще до самых недавних времен было известно весьма мало даже в Чехии.

В России работали над этим важным периодом чешской литературы и истории уже довольно многие.

Знакомством же с П. Хельчицким мы обязаны столь рано похищенному смертию Ю. С. Анненкову.

О жизни Петра Хельчицкого мы не имеем никаких прямых сведений из современных ему источников. Все, что мы о нем знаем, почерпается то из

отдельных намеков в его собственных писаниях, то из указаний на него в сочинениях ближайшего времени. Только этим путем мы узнаем некоторые, и то довольно скудные, черты его жизни. Ни „Братство“, ни его основатели не оставили почти никаких сведений о человеке, учение которого положено было ими в основу братского учения.

Петр Хельчицкий, по предположению Фр. Палацкого, родился около 1390 года; П. И. Шафарик предполагал, что он был священником, но предположение это было опровергнуто проф. Ферд. Шульцем. Хельчицкий был несомненно мирянин, свободный крестьянин или земец (т. е. дворянин низшего разряда), как и Фома Штитный.

Известно, что Хельчицкий в 1419 году был в Праге, где он имел спор с М. Якубком в его квартире в Вифлееме²⁾, и также в 1420 г., когда он говорил против „убийц“ во время войны, между тем каких оправдывал тот же Якубек.

В это время Хельчицкий познакомился также с Мартином, который содействовал ему в его литературных занятиях. К тому же времени относится ссылка Хельчицкого в его сочинениях на какого-то мистра Противу.

Затем он удалился в деревню Хельчицы, недалеко от Воднян, в южной Чехии, от чего и получил название Хельчицкого. Здесь он углубился в богословие, однако, не упуская из виду и того, что совершалось в это время кругом. Здесь навещали его таборские священники и спрашивали его мнений о различных спорных вопросах; в числе посещавших упоминаются Микулаш Бискупец, Лукаш Коранда. У него нашел также прибежище Мартин Гуска. Здесь собрал он около себя кружок людей особенно развитых и образованных, которые называли себя „братьями Хельчицкими“, подобно тому, как в других местах нам известны „братья“ Вилемовские, Дивишовские, Колинские, Клатовские, Жатецкие, Никольские, Оребиты и т. п. Здесь Хельчицкий посвящал свое время тихим занятиям литературным, из которых видно, что он стоял в непрерывных сношениях с мистрами пражскими, ссылаясь преимущественно на одного из них, имени которого, впрочем, не упоминает. Здесь Хельчицкий выступает опять на сцену только в 1437 г., когда у него в течение года гостил изгнанный из Праги англичанин Петр Пэйн. В то время Хельчицкий столкнулся с Рокицаною, который также бежал из Праги, скорее всего — в 1437 — 1438 годах.

Год смерти Хельчицкого вовсе неизвестен. Последний след его жизни относится к вышеупомянутому факту 1443 года.

III

Петр Хельчицкий был трудолюбивым писателем, и после него остались многие сочинения. Самые важные из них следующие: „Сеть веры“,

---

²⁾ На Вифлеемской площади.

„Реплика против Рокицаны“, „Реплика против Николая из Пельгржинова“ и трактат „Об антихристе“; последние два сочинения в рукописи Оломуцкой.

Постараемся выяснить значение Хельчицкого для чешской литературы.

Хельчицкий относится несомненно к выдающимся явлениям в чешском народе. Его интересную личность характеризуют главным образом две черты: 1) самостоятельные, оригинальные идеи философские, особенно социологического направления, которые ставят Хельчицкого в число самых выдающихся мыслителей чешских XV столетия; принадлежи он к национальности немецкой, французской или английской, он несомненно имел бы значение и влияние в европейской истории права и социальной науки; 2) то, что учение его приняли, как свое собственное, чешские братья по совету Рокицаны. Это косвенно составляет заслугу Хельчицкого; таким образом, он стал духовным отцом этого главного источника и колыбели чешской литературы, которая в лице Амоса Коменского оказала такие услуги общеевропейской литературе и науке. Удачнее других оценил „Чешскую братскую общину“ Чешвиц: „Беспристрастный историк увидит себя принужденным признать, что со времен апостольских ни одно церковное общество, приближаясь так или иначе к этим временам, не постигло в такой мере эту чистую высокую жизнь, как чешские братья“. Так оценивает немецкий писатель этот замечательный расцвет духовных сил чешского народа. Сочинения Хельчицкого были в данном случае, основой, краеугольным камнем „Братства“.

Если мы сопоставим Гуса с Хельчицким, то придем к тому выводу, что Гус в общем был только сыном своего времени, и что в силу своего возвышенного характера, чистой жизни и непреклонности он заслуживает удивления. „Гус, это луна, которая вращается около земли, которой для Гуса служить Виклеф“. Гус есть отражение всеобщего стремления к реформе церковной жизни, он проповедует против упадка нравов своего времени, но все-таки в вопросах догматического свойства остается вполне на почве Римской церкви (только в темнице в Костнице он признал нужными некоторые перемены, например, причащение под обоими видами).

Хельчицкий сходится с ним в том, что также прямо осуждает упадок и безнравственность духовенства и всего общества; и для него также во многих отношениях Виклеф является учителем; но Хельчицкий не только пошел дальше Гуса в большей части вопросов догматических (он отверг чистилище, почитание святых, многие обряды), но главным образом выдвигается еще тем, что центр тяжести его основ лежит в этике, на основании которой он создает новое устройство не только церкви, но и гражданского общества. Таким образом Хельчицкий приходит к реформе и государства, благодаря чему становится социалистом в истинном значении этого слова (но не в том, как это слово понимается обыкновенно теперь). Это выясняется особенно из разбора принципов выработанных Хельчицким.

Прежде всего остановимся на зависимости некоторых учений его от Виклефа. Основой веры для Виклефа служит Священное Писание; закон Христов вполне достаточен, так что в законах мирских надобности нет. В Ветхом Завете господствует страх и угроза, в Новом — любовь.

Большое значение придает он свободе воли. Покаяние есть необходимое условие для отпущения грехов. Человек может достичь отпущения грехов, может достичь надежды на жизнь вечную только милостью Бога, но отнюдь не без нравственного труда, святости и справедливости перед Богом.

Церковь есть, по его мнению, общество избранных, он кончает отрицанием отождествления церкви с духовенством и иерархией. Иконопочитания прямо он не отвергает, но он против таких святынь и обычаев, которых нельзя доказать из Священного Писания, например, против паломничества. Заупокойным обедням и молитвам за умерших он придает мало значения. С 1380 г. начинается его энергическая борьба против нищенствующих орденов. Учение об евхаристии сводится в общих чертах к следующему. Спорный вопрос о том, когда после освящения хлеб и вино претворяются в тело и кровь Христову, так что остается только подобие, образ хлеба и вина, по своим последним, конечным выводам противоречит смыслу Писания: этого вопроса не существовало де у отцов Церкви первых веков. С помощью диалектических тонкостей Хельчицкий доказывает, что пресуществление вообще непонятно, если видимые качества хлеба продолжают существовать. Собственное, положительное учение Виклефа о таинстве евхаристии таково: в таинстве есть истинный хлеб (и истинное вино), но вместе с тем есть и тело Христово (и кровь). Но он нигде не утверждает, что видимое нами в таинстве есть исключительно только образ; наоборот, во многих местах своих сочинений он учит, что Христос присутствует в таинстве на самом деле истинно. Но тело Христово телесно и местно не находится на престоле: субстанционально и телесно Христос находится на небесах. Присутствует же тело Христово в освященной гостии трояко: 1) деятельно, 2) духовно и 3) святостно, и именно чрез милость в душах верующих и в освященной гостии, — в этом последнем случае чудесно. Освященная гостия сама по себе не есть тело Христово, но в ней есть тайно тело Христово. Поэтому Виклеф и дает такое определение: „таинство евхаристии есть тело Христово под видом хлеба“. Поэтому и принимать тело Христово можно не телесно, а духовно — через веру.

С этим учением, в сущности, согласен и Петр Хельчицкий. И он полагает единственным основанием веры Св. Писание и старших отцов Церкви, а „басням и легендам“ верить не желает. Для него достаточно закона божественного, который обнимает собою все. Человеку нет нужды в законах мирских, сочиненных учеными. Законы божественные исходят от Христа, который есть единственный настоящий посредник между Богом и человеком. Точно так же учение о свободе воли и о добрых делах, способствующих

спасению человека, взято им у Виклефа: только те деяния хороши, которые совершаются добровольно, без принуждения. Но одним этим человек не достигает спасения; для этого необходимы еще милосердие и любовь Божия, а также спасительная деятельность Иисуса Христа. Затем, различие закона старого и нового, учение об истинном покаянии, взгляд на молитвы за умерших, враждебное отношение к монашеству, все это заимствовано Хельчицким или непосредственно из сочинений Виклефа, которые были уже тогда переведены на чешский язык, или из сочинений Виклефовых последователей (Гуса, Якубка и др.). При этом следует заметить, что многие положения Виклефа были популярны и хорошо известны в Чехии.

Относительно евхаристии Хельчицкий признает, что в таинстве присутствует Христос истинно, действительно, сущно, как учит и католическая церковь. Но в тоже время он не признает пресуществления, а приняв учение Виклефа, отрицает пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Согласно с Виклефом, он утверждает, что в таинстве две субстанции: одна божеская — Христос; другая земная — хлеб и вино. Христу в евхаристии можно молиться только тогда, когда ее освятит настоящий священник, не совершивший смертного греха, согласно с заветным отцами обычаем; в противном случае, на престоле остается простой хлеб, и тот, кто ему поклоняется, совершает идолопоклонство. Евхаристия доставляет милость, но только истинным христианам, а отнюдь не неверующим людям и не тем, которые считают святыню идолом. Хельчицкий указывал на необходимость принимать причастие как можно чаще, но при этом прибавлял, что Церковь ограничивает это принятие, установив на это определенное время. Согласно с таборитами, он требовал всеобщего причащения под обоими видами. Служение литургии в честь святых, и особенно за души умерших, находящихся в чистилище, он решительно отрицал. Против евхаристии согрешают, по взглядам Хельчицкого, двояко. Во-первых, грешат тем, что не оказывают ей должного почтения, как делают это таборитские священники, которые отрицают тело Христово в освященной на престоле жертве, говоря, что никто не вкушал тела и крови Христовых, даже апостолы, а также тем, что Христос назвал хлеб своим телом только в воспоминание своей смерти. Истинное тело Христово в таинстве есть, но только духовно и свято, субстанционально же и телесно оно на небе, одесную Отца. А потому и нельзя вкушать его, ибо Христос уже не будет на земле до дня судного, хотя бы и сам св. Петр служил литургию. При вкушении получаем мы только милость и дары Христовы, которые стали доступны нам чрез Его мучение. Это вкушение духовное исключает вкушение телесное, видимое. Кроме того, невозможно, чтобы целое тело Христово вместились в куске хлеба, и чтобы в одно и то же время оно могло присутствовать на бесчисленных престолах. Во-вторых, грешат также, впадая в идолопоклонство, чрез излишнее уважение к таинству, как это делает Римская папская церковь, употребляя колокола, светильни, коленопреклонение, падение ниц, молитвы, нося тело Христово

на войны, по рынкам, в различных процессиях. Особенно восстает Хельчицкий против того, что священники „творят, делают и освящают тело Христово". Таковы были мысли Хельчицкого.

Важнее и самостоятельнее учение его, относящееся к переустройству общества на началах первоначального христианства. По его учению, законы мирские должны постепенно упраздниться. Во всяком случае на свете должны настать иные порядки: государство долее существовать не может при теперешнем положении вещей. Образцом для нового устройства жизни служили ему первые христиане, которые не принимали никакого участия в государственных делах. Жизнь этих христиан Хельчицкий изучил и знал хорошо. Этот образцовый строй жизни длился, по его словам, до времени Константина Великого, когда изменились отношения церкви и государства: дарованием прав Церкви Константин впервые внес в нее порчу. Попы и духовенство сами присвоили себе власть, которая до тех пор принадлежала мирянам. Но при всем том Хельчицкий касался пока только исправления государственных порядков. Государство, по его мнению, есть „необходимое зло", ибо оно поддерживает порядок и усиливает христианина в вере, грозя ему наказанием. Наказание, которое налагает светская власть, есть только отмщение, ибо судья не заботится об исправлении преступника (ср. различные теории о наказаниях; нечто подобное является в воззрениях юристов значительно позднее). Но до величайшей несправедливости доходит государство тогда, когда оно начинает вести войну и понуждает к ней других, особенно когда ведет оно эту войну в интересах Церкви. Тут совершают преступление не только те, которые воюют для распространения Церкви, но и те, которые силой и насилием стараются отстоять старую Церковь, ибо человек имеет свободную волю и не может быть понуждаем извне даже к добру.

Вообще государство (начиная с короля и кончая простыми людьми) грозит христианину такими несчастьями и поводами к греху, что в установлениях его нет и места настоящему христианину. Но и отдельные промыслы не могут быть доступны истинному христианину; например, он должен избегать торговли, потому что она ведет к обману. Для истинного христианина годен более всего быт сельский и ремесленный. Против дворянского сословия восстает Хельчицкий довольно часто; это потому, что дворяне ничего не делают. Он восстает также вообще против всякого кастового деления общества, потому что любовь христианская требует равенства и братства.

Если эти его теории и мечтания могли бы быть приведены в исполнение, тогда Церковь (что у него тоже, что и общество человеческое) должна была бы принять иные формы; но осуществить эти формы было бы трудно. Чиновники, по его же словам, не захотели бы отказаться от своих должностей, а с помощью насилия и революции нельзя их к тому принудить, ибо это опять-таки запрещено законом Божиим.

В параллель этому переустройству мирской жизни Хельчицкий создал и программу устройства церковного. Он решительно восстает против отшельников и монахов, особенно едко пишет против нищенствующих монашеских орденов, которые де грешат против заповеди апостольской: „кто не трудится, не должен есть". Многие священники-бельцы также не суть истинные преемники св. апостолов, которые жили в бедности. Они любят свое сословие только ради богатых доходов и больших фондов. Если б эти доходы вдруг прекратились, немногие остались бы священниками по убеждению.

Он был также против бесполезной учености мистров, которые, в силу своей богословской тенденции, стоят в тесной зависимости от Церкви: они искажают закон Божий и толкуют его в свою пользу.

Государство и Церковь представляются у Хельчицкого главным образом императором и папой: „это те два кита, которые прорвали сеть веры". Папа Сильвестр получил от императора Константина власть и богатство и с тех пор присвоил он себе вполне и власть Божию, отпуская грехи и продавая индульгенции.

С этого-то времени начинается порча в Церкви: учение церковное обратилось в пустой формализм, — нельзя уже найти истинной любви, истинной веры.

В силу слов Христовых мы не должны слушаться дурного священника: преподаваемые им таинства не действительны. Но мирянин не имеет права совершать таинства, ибо это есть право и обязанность духовенства. Но поучать он все-таки может.

Вот, так сказать, социальный катехизис Хельчицкого, который он построил на основах Св. Писания. Эти его правила относятся и к Церкви, и к государству, и отношения к ним „истинного" христианина весьма интересны сами по себе. Этим отличается Хельчицкий от Виклефа и от Гуса. Кроме того, эти мысли его важны и тем, что они проводились и в действительности, в жизни. Эту социальную реформу приняла „Малая Сторона", старшие братья в Общине, против непрактичности которых писал брат Лука, епископ братства. Да и в позднейшие времена делался упрек братству, что де оно не признает законов и государственных учреждений.

Хельчицкий является противником всякой войны: доказательства почерпает он из Св. Писания. Пока Бог не уничтожил заповеди: „не убий", не следует воевать. Кант пришел к тому же результату: воевать нельзя; но пришел он к этому выводу на основании других мотивов, чисто человеческих и культурных. Наоборот, Фихте нашел возможным отстаивать право войны.

Наиболее аналогичный с Хельчицким мыслитель — граф Л. Н. Толстой. Его мысли о государстве, церкви, первых временах христианства очень похожи в своих основаниях на мысли Хельчицкого о том же, и оба они опираются на один источник, Библию: оба они восставая особенно против формализма, указывают человеку, как бы он должен жить, но не указывают,

однако, будущего распорядка общественной жизни и пути, по которому человечество могло бы перейти из старого порядка вещей в новый.

Сильнейшая сторона сочинений Хельчицкого — доказательства, которыми громит он противника или обнаруживает его слабость. В полемике он необыкновенно оживлен, и потому читается с интересом. Из остроумных посылок он выводит не менее остроумные выводы, которые поражают иногда своею откровенностью, прямою и неожиданностью. Везде он старается утверждать свои мысли на „доказательствах" и здравом смысле там же, где этого недостаточно, основывается на авторитете Св. Писания. В своих „доказательствах" он не щадит никого, ни таборитов, к которым был особенно расположен, ни даже Гуса. Беспристрастие его простирается до того, что он часто принимает положения противников Гуса, если они, по его мнению, заслуживают веры и внимания. На всякое учение смотрит он не с точки зрения буквы, а главным образом с точки зрения практического осуществления закона Божия; поэтому заповедь любви и последования Христу везде у него на первом плане. В общем он представляется глубоким знатоком человеческой природы и замечательно наблюдательным мыслителем.

Как было указано, Братство (именно брат Григорий) приняло в основу своего учения сочинения Хельчицкого, и случилось это уже по его смерти. Поэтому Петр Хельчицкий с полным правом может быть назван духовным отцом Братства. Хельчицкий не играл выдающейся роли во время грозных кровавых смут; но во всяком случае он пользовался известностью не только в своем округе, но и в Таборе и между мистрами в Праге. Он встречался и был знаком с выдающимися людьми в Чехии того времени. Был он, по-видимому, знаком и с Гусом, как можно бы вывести из того места его „Реплики против Николая", где он напоминает, что читывал де Виклефа: „но больше разговаривал я об этом (т. е. об евхаристии) с верными чехами, которые Бога любят и правду... каков был доброй и блаженной памяти мистр Ян Гус, мистр Якубек, которые лучше других чехов понимали это". О своем знакомстве с Якубком говорит он сам неоднократно (см. „Реплику против Рокицаны"). Из Табора приходили к нему священники, чтобы просить у него совета (см. „Реплику против Николая": „и один из ваших товарищей, придя от вас ко мне, сказал нам"). Другие находили у него прибежище, как, например, Мартинек, англичанин Пэйн, епископ Рокицана. Точно так же были у него сношения и с пражскими мистрами. В нескольких местах вспоминает он о своих разговорах с одним пражским мистром, которого, впрочем, не называет по имени: „поэтому этот мистр своими рассуждениями хотел навести на то, чтоб я ему поверил... но я ответил ему, что я не сделаю этого"... (л. 208в). В другом месте: „писал я мистрам, но они не приняли писания"... (166а)... „Давно доходили до меня сведения о вас от многих лиц из Праги, из Табора и иных мест, держащих вашу сторону"... (15а).

В качестве пособия при своих работах Хельчицкий имел, как кажется, подходящий подбор рукописей и между ними, весьма вероятно, полную

Библию. Библией он пользуется постоянно, цитируя текст дословно. К этому предположению, весьма правдоподобному, невольно приводит то, что мы знаем чешский перевод полной Библии еще от 1400 года ³). Доставал Хельчицкий, кроме того, рукописи современников, подлинные или в копиях, чрез отдельных лиц, между коими он упоминает прямо мистра Противу, Якубка, Мартинка, Сигизмунда из Ржепан, Мартина с Волыни, который преимущественно списывал для него книги.

Вообще мы с полным правом можем сказать, что Хельчицкий стоял на высоте тогдашнего образования, которого он достиг трудолюбивым учением и тщательным наблюдением окружающего.

Источники Хельчицкого главным образом следующие:

1) Священное Писание Ветхого и Нового заветов, о превосходном знании которого свидетельствует чуть не каждая страница его сочинений.

2) Церковные писатели, не только отцы церкви, но и еретические: св. Августин, Дионисий, Амвросий, Ансельм, Евсевий, Григорий, Иоанн Златоустый, Фома Аквинский (против него он часто полемизирует), Фульгенций, Ремигий, Арий.

3) Современные писатели чешские и чужие ему известны, из последних те, которые ближе других касались интересных для чехов вопросов; упоминаются у него: Гус, Якубек, Мартинек, Сигизмунд из Ржепан, Станислав из Знойма, Палеч, Виклеф, Протива.

4) Возможно также предположение, что свои положения о войне, почитании святых, чистилище, о пении церковном, о праздниках Хельчицкий заимствовал у вальденсов, хотя много он передумал и самостоятельно. При всем том, связей Хельчицкого с вальденсами доказать нельзя, хотя вальденсы вообще имели большое влияние в средней Европе.

5) Пользовался Хельчицкий и современными ходячими мыслями и мнениями, каково, например, мнение о начале порчи в церкви со времен Константина Великого и папы Сильвестра; хорошо знал он также происходившее в его время в Чехии и на соборах.

6) Наконец, многим Хельчицкий обязан своему уму, остроумию, учености.

Речь и слог Хельчицкого. Хельчицкий был выдающимся чешским писателем; слог его есть лучшее отражение тогдашней живой речи. Взята она прямо из уст народа, все обороты ее чисто чешские. Латинский стиль, особенно в сочетании предложений, построении периодов, вовсе не нашел у него применения.

Особенно характерно для речи Хельчицкого изобилие пословиц, поговорок, прекрасных, иногда весьма картинных сравнений. Благодаря остроте речь его приобретает еще больше живости. Он выражается просто, чужих слов не заимствует.

---

³) Так называемая Лесковецкая Библия (в Дрезденской библиотеке), которую И. Добровский относил к 1390 — 1410 годам (см. С. с. т. 1864 г., стр. 139).

Объем и история издания, с которого перепечатано предлагаемое издание

Не все сочинения Хельчицкого вошли в академическое издание ⁴⁾. Было ли у покойного Ю. С. Анненкова намерение издать со временем все сочинения изучаемого им знаменитого чешского мыслителя — сказать трудно. Но он доказал на деле, рядом исследований на русском и чешском языках, что изучал Хельчицкого очень внимательно. Под его же редакцией началось, по определению Второго Отделения Императорской Академии Наук, печатание главного труда Хельчицкого „Сеть веры“. Когда же в 1885 году последовала внезапная, преждевременная кончина издателя, Отделение русского языка и словесности поручило мне продолжать недоконченное издание. Я нашел его в следующем виде: чешский текст сочинения „Сеть веры“ был уже отпечатан. Передача содержания его по-русски, о которой издателю было заявлено желание Отделения, была в рукописи уже окончена, и первые листы этого текста были уже набраны. Таким образом на долю мою выпало прежде всего окончить печатание русского извлечения „Сети веры“ (до стр. 408). Но в то же время мне доставлена от вдовы покойного Юрия Семеновича новая рукопись, относящаяся к Хельчицкому, найденная после смерти усердного труженика между его бумагами. Оказалось, что это была копия сочинений Хельчицкого по рукописи Оломуцкой. Выходя из предположения, что сам Юрий Семенович хотел, должно быть, воспользоваться и этим материалом для издания, я предложил Отделению: не следует ли включить и этот материал в академическое издание, на что последовало полнейшее согласие. Но вскоре после того состоялся мой перевод в Вену, и в течение первых двух лет я не мог и помышлять о продолжении этого труда. Только в 1889 году успел я съездить в Оломуц для проверки содержания рукописи Анненкова. Я тотчас убедился, что список его был сделан не с подлинной Оломуцкой рукописи, а с копии, хранящейся уже со времени П. И. Шафарика в библиотеке Чешского музея в Праге. Копия же эта не отличается филологической точностью; не только орфография Оломуцкой рукописи заменена в ней новейшею, нынешнею, но не соблюдены и кое-какие другие особенности подлинника. Увидев, что нельзя продолжать печатание по находившейся у меня рукописи покойного Анненкова, я попросил г. д-ра Иосифа Кахника, вице-супериора Оломуцкой духовной семинарии, взять на себя проверку и исправление врученной ему рукописи Анненкова по подлиннику или же приготовление нового точного списка с подлинной рукописи Оломуцкой. Д-р Кахник нашел (в чем и я с ним соглашался), что будет удобнее и надежнее сделать новую точную копию по подлиннику, но состоявшееся в то время назначение его на новую должность лишило и его возможности принять на себя этот труд. Тогда я обратился с просьбой в австрийское министерство народного просвещения и вероисповеданий, и

---

⁴⁾ С которого перепечатано следующее дальше изложение „Сети веры“.

оно разрешило пересылку Оломуцкой рукописи в Вену, в славянскую филологическую семинарию, где на досуге можно было изучить рукопись и приготовить новый список.

Я поручил этот труд одному из моих учеников, заявившему желание позаняться Хельчицким, д-ру И. Карасеку. Он собирался как раз в то время издать некоторые сочинения Хельчицкого в Праге, где по случаю предстоявшего юбилея знаменитого Амоса Коменского стали снова обращать внимание и на труды Хельчицкого. Мы порешили так, что, кроме уже отпечатанной „Сети веры“, из Оломуцкой рукописи войдет в академическое издание еще первый и самый важный трактат Хельчицкого — „Реплика против Николая из Пельгржима, епископа таборского“. Прочее же содержание рукописи пусть выйдет в Праге, под редакцией д-ра И. Карасека. Так и сделано. „Реплика“ напечатана в издании Академии Наук на стр. 411 — 501, прочие же трактаты Оломуцкой рукописи издаются в Праге. Сообразно плану издания „Сети веры“, надо было и это второе сочинение Хельчицкого представить читающему русскому обществу в сжатом русском извлечении. Задачу эту исполнил в духе покойного Ю. С. Анненкова молодой русский ученый М. Н. Сперанский, во время заграничной командировки, в бытность его в Вене.

Считаем теперь обязанностью посвятить несколько слов памяти зачинщика этого издания, Юрия Семеновича Анненкова. Источником мне послужила небольшая статья, напечатанная в „Известиях“ С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 1885 год, стр. 93 — 94, и в „Часописе“ Чешского музея за 1885 год, стр. 394 — 395. Моя просьба, обращенная ко вдове покойного, вызвала ответ, в котором сказано, что вышеупомянутая статья составлена с ее слов, к которым она и в настоящее время не может ничего прибавить.

Юрий Семенович Анненков происходит из дворян Курской губернии; отец его был инженер путей сообщения, а мать — француженка из фамилии Дебар. Он родился 1-го декабря 1849 года в С.-Петербурге, образование получил в 5-й С.-Петербургской гимназии и затем в С.-Петербургском университете по историко-филологическому факультету, в котором окончил курс 22 лет, в 1871 году. Еще в университете определилась специальность Юрия Семеновича. Под руководством профессоров И. И. Срезневского и Вл. И. Ламанского у него проявилась любовь к изучению славянщины, в частности чешского языка и литературы. Будучи студентом 4-го курса, он написал на тему, предложенную факультетом, сочинение „Иоанн Гус. Обзор его чешских сочинений“, за которое был удостоен награждения золотой медалью. Сочинение это осталось не напечатанным, но автор воспользовался им для статьи, появившейся в „Журнале Министерства Народного Просвещения“, ч. ССХII, отд. 2, стр. 253 — 266: „Чешские сочинения Иоанна Гуса и время их написания“.

Окончив университетский курс, Юр. Сем. Анненков был оставлен при университете для приготовления к степени магистра по славянской

филологии, но недостаточность средств жизни заставила его поступить на службу по учебной части; он стал преподавателем русского языка и словесности в разных заведениях — в Смольном институте, в Училище правоведения и в педагогическом классе Павловского института. Число уроков доходило иногда до 36-ти в неделю. При таких условиях научные занятия не могли успешно подвигаться, но последняя цель все-таки не терялась из виду. Для достижения ее Юрий Семенович и обременял себя непосильной работой. Как скоро уроки прекращались, он употреблял трудно приобретенные сбережения на поездку в любимую Прагу, где у него начинались новые занятия в библиотеках по части чешской литературы XV и XVI столетий. В течение многих лет он успел не только отлично изучить чешский язык, которым владел в совершенстве, но и усердно поработать в избранной им области чешской литературы. В особенности в последние годы все внимание его было сосредоточено на изучении трудов знаменитого чешского богослова и мыслителя Петра Хельчицкого. Он готовил обширное исследование о сочинениях, по большей части неизданных, этого автора, которые собирал по разным рукописям и намеревался издать. Желание это исполнилось только отчасти. В издании Академии Наук вышла под редакцией его „Сеть Веры“, а из выписок Оломуцкой рукописи — „Реплика против бискупца“. Взамен обширного исследования, затеянного покойным тружеником, мы можем указать лишь на ряд его предварительных статей, относящихся к Хельчицкому и отдельным его сочинениям. В Часописе Чешского музея за 1880 год Анненков напечатал по-чешски статью, относящуюся к биографии Хельчицкого; там же, год спустя, появился составленный им сообща с А. Патерою обширный реферат о содержании вновь (тогда же) найденной Пражской рукописи Хельчицкого; наконец, в 1885 году (уже после смерти Анненкова) вышла там же статья его еще по поводу Пражской рукописи. Первая из перечисленных здесь чешских статей его переделана также по-русски в юбилейном „Сборнике“, изданном в честь Вл. И. Ламанского учениками его (С.-Петербург, 1883), под заглавием: „Мистр Протива, „новый“ чешский писатель XV века“. Обе статьи касались Противы, писателя, цитируемого Хельчицким в следующих выражениях (в Оломуцкой рукописи на л. 151b): „поэтому здесь укажем на мысль мистра Противы, который был весьма сведущ в законе Христовом и многих докторов заставил убедиться в нем, знал также и старое Моисеево законодательство, и который ставит вопрос: закон Христов достаточен ли без законов человеческих, назначаемых для основания и поддержания, здесь на земле, благочестия вполне христианского? кажется, что так и есть"... Кроме того, упоминается он несколько раз и в „Сети веры“. П. Шафарик делал предположение, что под именем Противы у Хельчицкого скрывается Пржибрам или Гиларий. И. Иречек (стр. 154), говорит о Противе, что он был проповедником в Вифлеемской часовне, в 1391 — 1396 гг., а в 1407 г. был священником у св. Климента на Поржичи. Сначала он был приверженцем Гуса, но с 1408 г. стал его противником. „Однажды Гус,

увидав его в Вифлеемской часовне, одетого в серый плащ и с надвинутою шапкой слушающего его, среди проповеди сказал ему: „ты, шапочник, напиши это и снеси на страну". Для Ю. С. Анненкова было ясно, что Хельчицкий под Противой versteht Виклефа; на деле же допустить это трудно по следующим причинам: 1) здесь речь идет о чешском писателе; говорить в смысле аллегорическом, переносном нет надобности; 2) Хельчицкий сам не раз цитирует Виклефа, называя его настоящим именем. Как высоко ставил он его, свидетельствует Пражская рукопись: „при всем том Виклефа я ставлю особенно высоко, слыша о нем, что никто из первых учителей и современных не говорил так истинно и никто не писал так против яда, влитого во св. церковь"... Такого ученого никогда не назвал бы Хельчицкий „Противой", ибо с этим выражением, если оно употреблено иносказательно, в чешском соединяется понятие бранного эпитета. Весьма возможно, что и Проти́ва имел сочинения Виклефа в основе своего учения. Это было ведь в ту эпоху, когда писатели, заимствуя и усваивая себе чужие мысли, еще не думали о правах авторской собственности и о плагиате.

К чешской литературе относятся также другие статьи Анненкова, напечатанные в разных русских журналах. В „Страннике" напечатаны: „Сказание о чешском святом Иоанне Непомук" (1877 г.) и „Гуситы в России в XV и XVI столетиях" (1878 г.); в „Журнале Министерства Народного Просвещения" напечатан критический разбор издания старочешских отрывков Александрии, под редакцией Гатталы и Патеры; наконец, в „Известиях С.-Петербургского славянского благотворительного общества" за 1884 и 1885 гг. он поместил несколько библиографических заметок о чешских изданиях, последняя из них (о книге д-ра Ленца, касающейся Хельчицкого) вышла уже после смерти его.

К сожалению, Юрий Семенович не придавал значения своей горловой болезни, довольствуясь гомеопатическими средствами лечения; когда же, за несколько недель до смерти, приглашенные против воли больного специалисты констатировали безнадежность его состояния, он, не подозревая того, не захотел покинуть свои занятия и продолжал их до последнего дня своей жизни. В то время он был занят корректурой уже находившегося тогда в печати русского извлечения из „Сети веры"; печатание чешского текста шло медленно, потому что одна корректура была посылаема в Прагу для окончательной проверки текста по старопечатному изданию; этот труд взял на себя проф. Гаттала. Не будь этого обстоятельства, которое останавливало ход печатания, издание главного сочинения могло бы выйти еще при жизни покойного.

Юрий Семенович скончался 8 февраля 1885 г.

Все, знавшие покойного, уважали в нем человека сердечного, искреннего, верно преданного своему делу, очень скромного в своих житейских потребностях, но строгого и требовательного по отношению к своей научной деятельности. Это была весьма почтенная, симпатичная личность. Мир праху его!

СЕТЬ ВЕРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

~~~~~

I.

Якоже преста (Иисус) глаголя, рече к Симону: поступи во глубину и вверзите мрежи ваша в ловитву. И отвечав Симон, рече ему: Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхом; по глаголу же Твоему ввергу мрежу. И се сотворше, яша множество рыб много: протерзашеся же мрежа их (Лук. V, 4 — 6). — Эти слова евангелия послужат основанием тех мыслей, которые будут изложены дальше; одним эти мысли послужат на пользу, других побудят к распре, гневу и неприязни. Смысл всего, что нами будет сказано, тот: мы желаем восстановления того состояния вещей, которое было прежде, и держаться его, если только поможет Бог. Но как трудно бывает добраться до основания в груде развалин обрушившегося здания, когда эти развалины поросли уже лесом и сделались обиталищем зверей, так трудно найти первоначальное истинное основание церкви, Иисуса Христа, во множестве выросших на нем и противных ему нововведений, которые многими принимаются за основание.

II.

В приведенных словах евангелия обратим внимание на три обстоятельства: первое, когда Симон Петр говорит: Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхом; второе — когда он же говорит: По глаголу же Твоему ввергу мрежу; третье, когда говорится: И се сотворше, яша множество рыб много: протерзашеся же мрежа их. Слова эти имеют смысл духовный. 1) Ночь, в которую усилия Петра были бесплодны, есть ночь духовная, ночь неведения языческого и слепоты иудейской, которая миновала, когда Христос, Сын Божий, Истинный свет, явился в мир, чтобы осветить живущих во мраке смерти. Все усилия людей заслужить награду на небе напрасны, если они совершаются в ночи слепоты духовной, если люди не достигли света во Христе, как во дне ясном. 2) Но чего нельзя было иметь в ночи, то с избытком достигается словами Христа, ибо только в словах Христа заключается сила добрых дел, достаточных для того, чтобы заслужить вечную радость на небе, во-первых, потому, что только Его слова могут иметь силу повеления совершать добрые дела и делать их полезными; во-вторых. слова Его сами по себе свет (Пс. CXVIII, 105); в-третьих, слова Его потому достаточны для совершения добрых дел, что Богу

угодно только то, что Он повелевает и чему учит. Бог первее всего Сам в Себе нашел Себе удобное; этого Он желает, это повелевает и на то дал Свое слово, дабы не только исполняли волю Его, но и знали где и в чем должны исполнять ее, и в случае отступления от нее верили, что прогневали Его, утратили Его любовь и впали в грех смертельный. Поэтому какой бы святости и как бы громки ни были дела людей, но если они не вытекают из истины слов Христовых, нельзя ими исполнить волю Божию и угодить ей. 3) Множество пойманных рыб и расторжение сети можно также понимать в духовном смысле, ибо Христос, отозвав учеников от лова телесного, соделал их рыбаками людей, а потому дал им и сети для этой ловли. Сети эти, прежде всего Христовы, а потом Петра, суть слово Христа, или закон Его, т.е. св. писание, из которого разумные люди могут поучаться. Как плетется и вяжется сеть — один узелок к другому, пока не будет большая и цельная сеть, так и истины св. писания присоединяются одна к другой, пока все вместе не охватят все множество верующих и каждого в отдельности со всеми его свойствами душевными и телесными, дабы, объятые целою сетью, они могли быть извлечены из моря этого света. Расторжение сети произошло не от множества верующих, а от того, что как в море вещественном в сеть попадает много предметов негодных, так и в сеть веры намешалось много людей погибших, еретиков и соблазнительей, которые входят в сеть веры, показывая сначала расположение к вере, а во время испытаний соблазняются о ней или впадают в ереси: такие-то и рвут сеть веры, и чем больше их войдет в нее, тем больше они дерут ее, так что вера Божия погибает между ними; только устами исповедуют они Бога и И. Христа, и таинства имеют для них только внешнее значение. Напротив, от множества верующих и избранных сеть веры не раздирается, ибо множество верующих составляют мощь и силу веры. Но сеть веры может только тех извлечь из моря грехов, кто не расторгнет ни одной части этой сети, т. е. не преступит ни одной истины веры, и кто дает себя тащить этою сетью туда, куда потянут ее рыбаки Христовы.

III.

Но тут является сомнение относительно рыбаков: которые из них Христовы; ибо много есть таких, которые кажутся Христовыми, но сети у них разодраны и сшиты гнилыми веревками, т. е. вера смешана с измышлениями человеческими: такие рыбаки в ночи ловят и потому не могут никого уловить к покаянию; другие же уловили целую общину на пользу себе, чтобы откармливать чрево ее имуществом, стричь волну и доить молоко. Горе им будете такую ловлю! — Итак, одна только вера может сохранить человека в мире от заблуждений и козней дьявола; она одна учит нас распознавать добро и зло; ею одною мы приобщаемся предметам духовным и божественным. Так, мы верим, что Бог есть Троица святая: Отец, Сын и Дух Святой, един Бог и Творец неба и земли, и что

Христос, Сын Божий, есть истинный Бог и истинный человек, Духом Святым зачатый во чреве Девы Марии и от Нее рожденный; также верим мы и в другие предметы духовные и небесные и в будущие: воскрешение добрых и злых. Без веры нельзя угодить Богу.

VI.

Вера основывается на словах Божиих, и кто верит в Бога, что Он есть истинный Бог и неизменный, тот верит в истинность и неизменность Его слов, т. е. что исполнение их есть соблюдение воли Божией и влечет за собою любовь Бога и благословение Его, а нарушение какого-нибудь слова Божия есть смертный грех и навлекает на человека гнев Божий. Но так верят только те, у которых вера разумная и живая. Слова апостола Павла: вера от слуха, слух же глаголом Божиим — имеют тот смысл, что хотя вера основана на каждом слове Божиим, но только тогда она будет полезна нам, христианам, когда она будет согласна с духом Христова учения. Поэтому многое в Ветхом Завете для нас не вера, например, жертвоприношения и прочее, что служило лишь телесным прообразом будущего. Вообще всякое учение должно быть искушено словами Христа и Его жизнью, и только тогда будет верою, когда будет согласоваться с словами и примером Христа.

V.

В наше время верят многому тому, чему не следует верить; истинную веру христианскую считают заблуждением и ересью, а мертвые обычаи принимают за веру. Между людьми произошло разделение: одна сторона обвиняет другую в ереси, и из-за этого возникают войны и распри, убийства, сожжение людей и многие другие грехи, так что веру теперь не легко узнать, ибо вся она смердит ересью и враждою. В таких обстоятельствах разумные люди должны хранить истинную веру, которая изложена апостолами и единожды дана была Богом чрез И. Христа, и не увлекаться теми новыми верованиями, к которым теперь побуждают людей. Так, папа хочет, чтобы ему верили, ставя его писания и законы выше закона Божия, посылая в разные земли свои письменные отпуски, он за деньги дает всем отпущение грехов и избавление от мук, а кто этому не верит (и он доберется до него), того он сожжет. А сколько ложных чудес в пассионалах и других книгах, и все это обратилось в веру, а вера живая затемнена и отвергнута. Поэтому апостол (Иуд. I, 3 — 4) учит подвизаться о преданной вере святым единою. Но это трудно, ибо враги веры слишком сильны и господствуют над нею и над людьми: открытая борьба с ними невозможна. Нельзя бороться с ними и так, как поступают игроки в кости, прибегая к разным ухищрениям, но хорошо, если удастся кому-нибудь превозмочь правдою немудрых противников веры, не возбуждая вражды. Поэтому заповедь апостола нужно

понимать в том смысле, что, зная, в чем заключается истинная вера, не следует идти по стопам неверующих.

VI.

Но и такой образ действий не избавит от неприязни. Если простой смертный не будет верить так, как ему отмерили великие мужи, то явится в их глазах своевольным еретиком, а тут недалеко и до смерти, которая многих устрасит. Иным, пока их не преследуют, кажется, что они богаче верою, чем великие попы, господствующие над нею, но в час искушения, Бог ведает, кто устоит, и я не сомневаюсь, что, если кому не придется умереть за веру от домашних врагов, тому трудно устоять в ней. — Все вышесказанное о вере основано на том, что ап. Петр есть рыбарь духовный, а сеть его есть закон Христов, или вера Христа, основанная на Нем и на законе Его. Христос послал Петра и других апостолов проповедывать евангелие всему миру: кто уверует ему и крестится, тот спасен будет. Он же сказал им: идите и плод принесете, и плод ваш пребудет (Иоан. XV, 16). Поэтому посмотрим, где и среди каких людей совершалась деятельность апостолов. Эти люди, уставленные в вере и жизни проповедью апостольскою, должны служить для последующих поколений примером, к которому они должны обращаться. Во времена апостолов в каждом народе были некоторые, избранные Богом, которые уверовали в евангелие. Они составляли собрание верующих, выделенное апостолами из среды других людей неверных. Это нужно понимать не буквально, в том смысле, что верующие занимали отдельную улицу в городе, но духовно, т. е. все были соединены одною верою. Во время римского владычества апостолы проповедывали евангелие язычникам и иудеям: некоторые из них уверовали и отделились от других. Этому обществу верующих апостолы дали двоякое устройство: внешнее и внутреннее. Внешнее должно было обеспечивать спокойное пребывание христиан среди язычников и иудеев. Христиане должны были 1) платить дань властям и, в чем должно, им повиноваться и 2) по отношению к Иудеям и язычникам обнаруживать кротость и служить для них добрым примером, который в общении с людьми действует сильнее, чем одна словесная проповедь. По отношению к себе самим новообращенные христиане должны были заботиться прежде всего о совлечении с себя ветхого человека с его страстями и похотями и облечении в нового человека — Христа. Все предписанное первым христианам должно было утверждаться на едином основании — Христе, ибо Иудеи могли также творить добрые дела, но их добрые дела были мертвы, так как не утверждались на Христе. Впоследствии придумано было много других оснований непрочных, на которых многие люди утверждают. Так, папа хочет быть основанием церкви, ее главою и краеугольным камнем; монашеские ордена утверждают на своем основателе и т. д. Поэтому

разумные люди должны обращать взор только к тому основанию, которое утвердили апостолы, дабы могли творить поистине добрые дела.

VII.

Между первыми христианами апостолы установили равенство: никто не был ничем обязан друг другу, но все должны были любить друг друга и служить друг другу из любви, составляя одно тело, соединенное из многих членов, и имея главою Христа. Между ними не было правителей с языческими должностями: судей, городских советников. Хотя христиане жили под властью язычников, которым должны были платить дань, но сами не занимали языческих должностей. Так продолжалось более трехсот лет, до Константина; он первый вмешался в среду христиан с языческим господством и с чиновниками, которые приличествовали язычникам. Цель, к которой вели христиан апостолы, была гораздо возвышеннее и совершеннее, чем та, которую преследовали языческие власти, ибо составлять одно тело и руководиться одним духом Божиим в делах религиозных и нравственных гораздо выше, чем соблюдать ту земную слабую справедливость, которая поддерживается языческими властями посредством разных принудительных мер.

VIII.

Но могут возразить: если христиане в делах веры и нравственности должны были руководиться не языческими установлениями, а любовью, то чем же руководились они тогда, когда любви не доставало, и приходилось терпеть несправедливость? Сам апостол Павел говорит, что у них были суды, следовательно, и они пользовались языческим установлением. Ответ на это такой. Хотя христиане и должны были во всех взаимных отношениях руководиться любовью, но некоторые из новообращенных из язычников и иудеев были еще слишком привязаны к земному и для разрешения тяжб ходили на суд к язычникам. Апостол Павел порицал христиан за это, и в надежде, что они впоследствии образумятся, допустил им временно, как меньшее зло, иметь свои суды. Взаимные отношения христиан в случае разных несогласий между ними апостол выразил в словах: тако ли несть в вас мудр ни один, иже может рассудити между братий своих (1 Кор. VI, 5). Тут апостол не понимает языческий суд в ратхаузе и не укоряет христиан в том, что между ними нет мудрого, который, сделавшись рихтером, творил бы суд над братьями, ибо для такого суда нужна принудительная власть и подчинение тяжущихся судьям; не понимает апостол и того, чтобы у христиан не хватило смысла учредить такой суд, ибо он сам благодарил Бога, что они во всем обогатились о Христе, во всяком слове и во всяком разуме (1 Кор. I, 5): нет, он их укоряет в том, что они, имея мудрость и разумение, не судят братьев по смыслу евангелия, т. е. не ограничиваются

обличением виновного и примирением обеих сторон, ибо такой только суд ведет к нравственному совершенствованию.

IX.

Напротив, суды в ратхаузе, хотя и помогают возвращению отнятой собственности, вводят в грехи, от которых христиане не иначе могут избавиться, как отказавшись от таких судов. Христиане не должны никому причинять несправедливости и никого не обманывать, а причиненную несправедливость должны терпеливо переносить, не воздавая злом за зло. — Обо всем этом мы распространились затем, чтобы показать, что апостолы допустили суды между христианами, как временную меру и то ко „сраму" (1 Кор. VI, 5), между тем как нынешнее духовенство, которое должно было бы обличить это заблуждение на основании св. писания, обращает этот „срам" в закон, выбирает консулов для этого „срама" и видит преуспевание в вере, если этот „срам" производится искусно.

X.

Взаимные отношения, установленные апостолами между первыми христианами, основаны были на законе Христове, который определяет, как должно поступать с противниками веры, соблазнителями, еретиками: их нужно увещевать и обличать сначала один на один, в случае же неуспеха — при свидетелях, наконец, поведать о них церкви, если же они и церковь преслушают, то поступать с ними, как с язычниками и мытарями, т. е. не общаться с ними. В таком же смысле апостол запрещает общение с прелюбодеями и др. Такое евангельское устройство общества скорее может исправить испорченный род человеческий, чем языческое при помощи царей земных и городских судей: при первом грешник может снова приобрести благодать Божию, которой лишили его грехи, а при втором — всем таким грешникам определена смерть.

XI.

Итак, одного закона Христова было вполне достаточно для устроения общин первых христиан, и, руководясь им одним, они преуспевали в нравственном отношении, но потом, когда примешались к ним два закона, гражданский и папский, нравственность стала падать. Это признают те, которые пишут хроники, и мы своими глазами видим, как эти два закона разрушают и умерщвляют веру и закон Божий. Поэтому мы, поздние потомки, сидя как бы под тенью этих законов, неуверенно говорим о законе Божием и управлении Божием, ибо тьма этих двух законов заслоняет очи. Поэтому, так сказать, ощупью и гадая, я задаю вопрос: достаточно ли закона Христова без приданных к нему законов человеческих для того, чтобы

основать и устроить здесь, на земном пути, вполне христианскую религию? Я отвечаю, хотя и с трепетом: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устройства христианского общества. Закон Христов не ослабляется ни от сопротивления, которые ему оказывают, ни от множества обращенных к нему: напротив, от этого он приобретает еще большую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далее, если его было достаточно для обращения неверующих к вере, то достаточно и для устройства в жизни и нравах, ибо последнее легче. А так как управление при помощи учения Христова лучше, чем с помощью человеческих примесей, то кто усомнится, что невеста Христова была бы совершеннее, руководясь законом Божиим, чем напоая себя, как ядом, разными примесями.

XII.

Достаточность одного закона Христова признали и сами апостолы, заповедав верующим: Тако стойте возлюбленные (Филип. IV, 1). Так не сказали бы они, если бы усмотрели какой-либо недостаток в законе Христове. Кроме того, апостол грозит проклятием всякому, кто стал бы учить иначе. Устройство, данное апостолами христианским общинам, существовало более трехсот лет по вознесении Христовом до наделения Сильвестра имуществом. За это время церковь преуспевала в духовных делах, что видно из частых мучений за веру, которые претерпевали все наивысшие епископы, с ап. Петра до Сильвестра, числом тридцать пять. Терпеливость в перенесении мучений за веру есть доказательство истинной веры, напротив, отступничество от веры обнаруживается в отсутствии терпения, что мы видим теперь на духовенстве и мирянах. Теперь с каким-то коварством и хитростью относятся ко всему, что касается веры, кое-как пребывают в ней, заботясь только о том, чтобы откармливать свое чрево и жить в мире со светом. А потому мы и привели на память первых христиан: не пойдут ли, может быть, по их стопам и некоторые из нынешних, соблюдая веру бесхитростно, в терпении и искренности сердца.

XIII.

Все, что было сказано мною похвального о первой церкви Христовой, по взгляду римской церкви смердит, как гнусная ересь. Когда чехи в Базеле оправдывали причащение под обоими видами примером первой церкви, аудитор восстал против этого довода и, между прочим, высказал мысль, что первая церковь была глупа и не имела покоя, хотя в некоторых священных действиях и своею ревностью в вере заслуживала удивления, впоследствии же, подобно тому, как скиния приобрела славу по украшении ее разноцветными кожами, простота учения первой церкви заменилась блеском и красотой в богопочитании и священных обрядах и относительно веры с течением времени возведено и изложено было многое такое, что в первое

начальной церкви было под сомнением или вовсе неизвестно, и все это получило и имеет ту же силу и прочность, как и учение первой церкви. Разумные люди должны обратить внимание на эти слова. Первая церковь была глупа: она служила без риз, без алтарей и храмов, произнося только „Отче наш“ при богослужении, а последняя, умеющая чтить Бога, завела большие и дорогие каменные храмы и алтари, прекрасные ризы, умножила и молитвы и пение за обедней и все блестяще украсила и устроила, дабы чрез украшение храмов, расписывание стен, употребление покровов, свечей, колоколов, органов, пение с высокими тонами и дрожащими нотами богопочитание стало обильнее, ибо Бог очень нуждается в таком почитании и скорбит, если мало сгорит воску и стены не будут красиво блистать. Глупая церковь раздавала священные предметы даром, а мудрая умеет поторговаться за них, чтобы сорвать на них свое. Первая церковь, говорит аудитор, не имела покоя: я же утверждаю, что и среди волнений, которые она испытывала, ее достоинство не умалялось, ибо от времени страданий И. Христа до Константина верные христиане терпели гонения от иудеев и язычников даже до смерти. Зато последняя церковь, утешенная, оградила себя мощью и обороною мира сего, не боясь искушений, так как их выдержит за нее меч светской власти, утешенная, она поет сладкие песни в храмах в честь Бога и наслаждается за столами роскошными и на ложах мягких. Далее, говорит аудитор, все, что измыслила последняя церковь, имеет такую же силу, как и то, чего держались и чему учили апостолы. Не будь это ложь, сильно умножилось бы спасение людям последнею церковью, и хвала Божия широко бы возросла от нее, если бы только Бог принимал ее от этой скарредной церкви, которая сама преисполнена вещей, противных Богу. Утверждает также аудитор, что в этой церкви пребывает Христос и Дух Святой, который теперь, усевшись в Базеле, устроит чрез нее спасение людей, как пишет сам собор в своих грамотах: „И говорит святейший вселенский собор Базельский, в Духе Святом законно собранный, знаменуя собою вселенскую церковь“. А потому эта церковь, управляемая Духом правды и имея Его с собою пребывающего навеки, имеет с собою также и Христа до скончания мира. Если бы он не лгал, славная была бы песня. И эта церковь, продолжает он, имеющая Духа Святого, должна устроить и созидать спасение людей, ибо церковь эта в суде не ошибется и не уменьшит размножение почитания Бога и хвалы Его, так как в ней почил Дух Святой, сложив свои сокровища в ее храмине, дабы навеки оставить под ее сению утешение Свое. Кто лгал когда-нибудь подобно ему и какой чорт мог до такой степени и так бесстыдно и лживо хвастаться? На это способен лишь тот, кто ставит себя выше Самого Бога.

XIV.

Возвращаюсь теперь к начатому, т. е. к сети Петровой, которая расторглась от множества пойманной рыбы. — Уловленные апостолами

долго удерживались в целой, неповрежденной сети, но когда после них с течением времени люди, чувствуя себя безопасными, заснули, явился враг и насеял плевел между пшеницею, и плевелы так размножились, что пересилили пшеницу и ослабила ее. Крепким сном объаты были христиане в то время, когда император наделил первосвященника имуществом и властью: бесчувственные от тяжкого сна, они дерзнули отвергнуть нищету, в которой пребывали во имя Христово, и променять ее на владычество и честь императорскую и даже выше императорской. Сначала укрывались они в ямах, пещерах и лесах, а потом, глядь, сам император возит священника по Риму, посадив его на белую кобылу. Этим была нарушена чистота и невинность апостольского звания. Поэтому сеть Петрова сильно разодралась, когда вошли в нее эти два великих кита, т. е. первосвященник с королевским владычеством и честью, превышающую императорскую, и император, ввалившийся под кожу веры с языческою властью и должностями. Когда оба эти кита повернулись в сети, она так разодралась, что теперь немного уже остается от нее в целости. От этих двух китов народилось множество мошеннических сбродов, которые в свою очередь дерут сеть веры: во-первых — монахи различного покроя и цвета, потом сброды школьные университетские, затем настоятели приходов; из неученых; многообразные сброды, украшенные гербами, мошеннические сброды горожан. Каждый из этих сбродов стремится господствовать, приобретая себе земли или хитростью, или насилием, или куплею, или по наследству. Одни из них паны духовные, другие — светские. Паны духовные: папа — пан над панами, кардинал пан, легат пан, архиепископ пан, епископ пан, патриарх пан, настоятель прихода пан, аббат пан, пробст пан (а этих аббатов и пробстов столько, сколько монастырей и орденов, наделенных имуществом); есть еще провинциал пан, приор пан, магистр университета пан. Светские паны: император, король, князь, паны хоругвенные, пан бургграф, пан рыцарь, пан панош, пан судья, паны советники, пан бургомистр, паны мещане. И все эти паны до того тянут к себе власть, что не только разодрали веру, но и королевство-то так расхватили, что главному пану королю не над кем пановать, и не хватает средств содержать себя и свою челядь; в целой области на пространстве многих миль король нередко не имеет власти ни над одною деревнею, поэтому паны земаны рады были бы иметь какого-нибудь чужого короля, немца богатого, который грабил бы чужие земли для увеличения своих владений, ибо они, захватив королевские имущества, не выпустят их из рук и хотели бы иметь такого короля, который прибавил бы им еще владений, награвив чужих земель. Из этого видно, что у язычников королевская власть лучше была поставлена, чем у этих заблудших христиан, потому что между язычниками не было такого множества духовных панов, совершенно излишних, подобно глисту в теле, который только боль причиняет. И у евреев был только один главный владыка — царь; панов хоругвенных не было, а было только рыцарство, или храбрые люди, которых царь имел в своем распоряжении, назначая из них

чиновников; священники же, по заповеди Божией, не должны были иметь владений, а пользовались только десятиною с народа, которую определил им Бог на содержание. Если земная власть не может существовать, как следует, при множестве владетелей, тем более не может соблюдаться вера при множестве различных сбродов, излишних и враждебных вере, между которыми нет никакого единодушия, без чего вера не может быть полезна для нашего спасения. Каждый из этих сбродов имеет свой закон, который он ставит выше других законов, выше закона Христова. Один закон предписывает носить дешевую одежду, и они видят в этом особенную заслугу перед Богом, другие не едят мяса, третьи поют печальными напевами, четвертые рано встают, пятые много постятся, некоторые читают длинные часы. Все эти особенности производят рознь между этими сбродами, заставляют друг друга ненавидеть, друг перед другом превозноситься, а это все разрушает веру. Церковь римская разделилась на три части: с одной стороны в ней есть паны, короли и князья, которые дерутся и защищают ее, с другой — духовенство, которое молится, а третью часть составляет рабочий люд, который должен обеспечивать телесные потребности первых двух частей. Какое неравенство происходит от такого разделения тела Христова! Двум сторонам хорошо: они праздны, много жрут; им нипочем тратить деньги или лежать на третьей стороне, подобравши ее под себя, а эта третья сторона в страданиях несет на себе роскошь тех двух обжор. Такое разделение противно Христову учению, по которому весь свет должен составлять едино множество, едино сердце и един дух.

XV.

Теперь будет речь о каждом из этих мошеннических сбродов в отдельности и прежде всего о двух сильных китах, которые более всего разодрали сеть веры и дерут ее постепенно, т. е. о главном владыке духовном и главном владыке светском. — Владыка духовный — папа — нарушает закон Христов 1) тем, что, отвергнув нищету, труд, проповедь и другие пастырские обязанности, он приобрел светскую власть и почет и требует, чтобы перед ним кланялись до земли, как перед Богом. Обедню редко служит, проповедей никогда не говорит, не исполняет и других духовных обязанностей по отношению к людям, а сохранил за собою только один труд — преподавать благословение и проклинать тех, кто ему придется не по нраву, а потому он обыкновенно лежит в роскоши и жрет, как свинья, валяющаяся в хлеву. Хотя Сильвестр сам, кажется, и не вел такой свинской жизни, но, получив языческое господство и славу превыше императорской, он привил это зло к тому престолу, который называют престолом св. Петра, не ведая того, что сам Петр никогда так пышно не сидел на нем. Своим высоким положением Сильвестр обязан императору Константину, и это обстоятельство важно в том отношении, что в лице Сильвестра на римском

престоле насаждено все то, что по смерти его растет на этом престоле. Говоря об этом императорском насаждении, папа Мельхиад свидетельствует, что Константин, обращенный в Христову веру, разрешил в своем государстве свободное исповедание новой религии, а также строение церквей и наделение их послужною податью, дал великие дары римскому престолу, построил первый храм в Риме и, предоставив этот город наместникам св. Петра, положил, таким образом, начало тому злу, которое сильно разрослось и умертвило свет.

XVI.

2) Приняв высшую духовную власть от императора, папа не довольствуется этим, а требует, чтобы ни один народ не мог иметь священников помимо него и без его соизволения, и эти священники должны быть с ним вполне единомышленны. Подобно своему главе, духовенство стремится к земным благам, хочет вести жизнь сытую и праздную и не знает тех усилий, с которыми рабочий люд добывает себе хлеб. Такие пастыри, вошедшие во двор овчий инуду, конечно, не брегут о душах вверенных им людей: их привлекает к себе паства настолько, насколько ворона тянет к себе мертвечина.

XVII.

3) Папа присвоил себе власть Самого Христа отпускать людям грехи. Он устроил странствование в Рим для желающих получить отпущение грехов. Будь у кого какие ни на есть тяжкие грехи, стоит только сдать их в Риме, и будешь чист от них, точно снова родишься от своей матери. Так толкуют и сулят дурням, опившимся вином прелюбодеяния великой блудницы. И вот со всех земель идут опившиеся толпы, а он, отец всяческого зла, нарядно разодевшись, в перчатках с жемчугами, стоит на высоком месте и дает благословение этим толпам, отпуская им все грехи и избавляя от мук чистилища и ада. Мало того: он на дом посылает за деньги отпуски, которыми дается отпущение грехов на определенный срок, так что до окончания этого срока можно свободно грешить какими угодно грехами. Таким образом папа обогащается и на вырученные деньги ведет войны с королями, он посылает в государства отпуски с тем, чтобы ему взамен их посылали денег для ведения войны. Так было во время войны Бонифация с королем Неапольским, когда папа издал интердикт, запрещающий духовенству погребать мертвых во владениях короля. Такими действиями папа упразднил Христа, ибо Христос становится ненужным для света, если папа имеет власть отпускать все грехи.

XVIII.

4) Папа размножил свои законы, противные закону Божию и вере, так что из-за этих законов люди забыли закон Божий и веру и думают, что вера есть не что иное, как законы великого священника. Во всех своих священных действиях духовенство руководится этими законами: оно иначе не умеет молиться, как бормоча установленные законами и нарочито сочиненные часы, которыми исписаны толстые книги. Считается молитвою, когда в церкви во всеуслышание один поп перекидывается с другим словами и стихами. Невежественный народ, не рассуждая, принимает все это за веру христианскую, — и не удивительно, потому что о вере он только и слыхал, что Бога можно видеть в церкви, да в воскресенье нельзя пахать. Одно из двух: или совершенно отвергнуть Бога и отступить от Него, или всем сердцем прилепиться к Нему. Но людям не легко ни то, ни другое, ибо человек не так порочен, чтобы всецело отвергнуть Бога, с другой стороны, не много найдется и таких, которые захотели бы всем сердцем прилепиться к Богу. Вера, основанная на папских законах, представляет нечто среднее между тем и другим, и на этом большинство людей успокаивается. Она предписывает различные добрые действия, лживые и мнимые, которые выражаются в разных внешних обрядах, и люди думают, что они соблюдают истинную веру, исповедуя Бога одними устами и выражая свое почитание одними внешними знаками. Но папа не только размножает свои законы, противные закону Божию, но сам сочиняет закон Божий; так, на Базельском соборе по поводу вопроса о причащении мирян под обоими видами папские приверженцы высказались, что хотя бы и была на то заповедь Христова, но святая церковь может изменить и низложить то, что есть в законе и постановить что-нибудь противоположное, чего нет в законе. Поэтому не даром во время наделения Сильвестра властью раздался голос: Сегодня влит яд в св. церковь! Этот яд чрез папу и его законы разлился теперь по всему свету, так что папа есть тот человек беззакония, сын погибели, о котором говорит ап. Павел. Ввалившись в сеть Петрову, этот кит так разодрал ее, что ею уже не могут ловить; а кто и захотел бы улавливать людей к спасению, того он ищет лишить жизни, ибо он ненавидит веру, которая и есть сеть Петрова.

XIX.

Другой кит, ввалившийся в сеть веры и разодравший ее, есть император с языческим управлением, языческими учреждениями, с языческими правами и законами. До принятия христианства Константином христиане руководились одним законом Христовым без примеси папских и императорских постановлений, не имели короля из своей среды и должны были только платить дань и исполнять другие повинности как подданные язычников. Когда же император Константин был принят в веру с языческим

управлением и языческими законами, тогда невинность и чистота христиан была нарушена. Если бы негодяи и прелюбодеи вступили в сообщество с честными и стыдливymi девицами, получили над ними власть и установили им свои прелюбодейные законы, то честные и стыдливые девушки очень бы возмутились, сознавая, что нелегко соблюсти чистоту и веру, которую они дали обет сохранять до смерти, когда приходится иметь общение с прелюбодеями, имеющими над ними власть; при таких условиях мало бы осталось настоящих дев. В подобном же положении оказались и христиане, когда император вошел под веру с своими языческими установлениями.

XX.

Языческие установления и порядки, с которыми император примешался к христианам, не обратились в христианские ни вначале ни впоследствии и явились как вредная примесь к христианской вере. Но могут возразить: ведь христиане, жившие в Риме и других местах под властью Константина, когда он еще был язычником, должны были подчиняться его языческому правлению и нести бремя императорского права; чем же могло вредить его языческое правление, когда он сделался христианином? Неужели бремя императорского права стало от этого отягощать христиан больше, чем прежде? Да, что касается императорского права, то христиане как прежде, так и потом находились под его бременем; но прежде христиане, будучи чуждыми язычникам и им противными, не пользовались их законами и учреждениями, по принятии же императором крещения все эти языческие установления примешаны были к вере, и то самое, за что первые христиане терпели гонения от язычников, нынешние христиане соблюдают, как веру, до того, что забыли Бога, забыли истинную веру и уважают только законы языческих правителей.

XXI.

Нельзя перечислить всех языческих особенностей, которыми осквернена истинная вера и богопочитание; скажем о некоторых, имеющих отношение к императору. 1) Желая господствовать над христианами, Константин и его преемники должны были бы показывать пример самого высокого благочестия, а между тем они живут среди христиан, отступая от веры и совершая дела самые богопротивные. И их слуги и челядь ведут также самую недостойную жизнь, так что они являются в христианском обществе падалью, которая смрадом своим всех заражает. А духовенство и магистры еще оправдывают их, как третью сторону церкви сатанинской, и говорят: так подобает их сану; придворные люди должны быть веселыми, свободными, развязными.

XXII.

2) Константин, приняв власть над христианами, подчинил их законам языческим, и в разных делах, как, например, в тяжбах, они должны были обращаться к языческим начальникам и, таким образом, искать помощи в императоре, тогда как все свое упование они должны были бы возлагать на Бога. Поэтому мистр Протива говорит, что, кто предпочитает установления или законы человеческие закону Божию, тот этим самым создает себе иных и чуждых богов, ибо все, что человек из привязанности ставит выше Христа, есть уже его бог; а потому человек, избирая для своего руководства права императорские из привязанности к своему имуществу, чтобы при помощи этих прав добывать его или охранять, и пренебрегая законом Христовым, избирает себе чуждого бога — императора и его законы. Нет сомнения, говорит тот же Протива, что если бы весь род человеческий сохранил закон или управление любви, то было бы излишне и не нужно придерживаться императорских и городских прав, или законов, а потому, чем более род человеческий удаляется от руководства евангелием, тем более нуждается в правах городских и императорских, которые служат ему опорой, и в конце концов может случиться, что, привыкнув кормиться этим ядом, люди совершенно отвергнут закон Христов, как бесполезный.

XXIII.

3) Император пользуется языческою властью своевольно, с гордым довольством и смелостью, вовсе не помышляя о том, что он христианин, и властвует над христианами, которых Христос искупил Своею кровью для того, чтобы они были Его слугами, и которые находятся под властью наивысшего Владыки между владыками. Не так еще важны телесные притеснения, которые делает император своим подданным, облагая их податями и т. п.: этим наносится ущерб имуществу, и люди обременяются тяжелою работою; но совесть от этого не страдает, если только все эти стеснения переносятся терпеливо. Гораздо важнее то, что светская власть не вменяет себе в грех убивать людей и учинять им всякие насилия и заставляет христиан ходить войною друг на друга и, таким образом, преступать заповедь Христову. Но хуже всего то, что эта власть проливает кровь праведных христиан за веру, считая их еретиками, между тем как она сама не ведает, что такое вера и что ересь. Таким образом эта власть есть сила антихриста против Христа и Его избранных.

XXIV.

Теперь пойдет речь о том, какое значение имеет для церкви светская власть. Одни утверждают, что светская власть для церкви есть нечто несущественное, случайное, ибо она была присоединена к церкви в то

время, когда состояние ее было вполне совершенно, а потому власть эта могла бы быть отделена от нее без ущерба для веры. Другие, напротив, того мнения, что церковь достигла полного совершенства только после присоединения к ней светской власти. Изложение нашей мысли пусть будет иметь вид спора между двумя противниками: один принадлежит челяди Христовой и будет называться Павлом, человеком опытным в споре, а другой — к челяди антихристовой и есть священник святокупческий, наместник Иуды. Павел стоит за то, что церковь не нуждалась в вмешательстве светской власти, священник же ревностно защищает ее, так как он валяется под ее защитой с большим своим брюхом, словно в холодке под навесом. Твоя мысль, возражает священник, что церковь не нуждалась в светской власти, есть ложь и заблуждение и противоречит всем писаниям.

От времени смерти Христа до Константина положение церкви было весьма печальное: христиане терпели постоянные притеснения от язычников и Иудеев и не только не господствовали, но были хуже слуг, которых все-таки защищают господа; поэтому смешно и говорить, что состояние церкви в то время было совершенное. Напротив, оно тогда и достигло совершенства, когда церковь получила от императора светскую власть. Павел отвечает на это, что понятие священника о совершенстве церкви ложно и противно вере; что благо церкви зависит не от власти императоров, королей и панов, а от Бога и могущества крестных страданий Христа, и что священником руководит привязанность к свету, так как светская власть доставляет возможность вести жизнь спокойную и ограждает от разных земных опасностей.

XXV.

Разумен и следующий ответ Павла сытому священнику: Я допускаю, что апостолы и другие ученики Христовы до Константина и Сильвестра, т. е. в течение слишком трехсот лет, вели жизнь беспокойную, претерпевая муки и даже смерть, но из этого не следует заключать о несовершенстве церкви до принятой ею светской власти от императора. Христос говорил: Царство мое не от мира сего, и учил об отрешении от благ земных и о прилеплении к благам небесным: поэтому достоинство первой церкви нисколько не умалялось от того, что она не имела светской власти. Достоинство и сила церкви, основывается не на земном величии, а заключается в терпении, с которым она переносит несправедливые гонения от света во имя Христово, и верующие гораздо больше преуспевали в духовном совершенствовании во время гонений, когда церковь не имела светской власти, чем потом, когда она приобрела ее от императора. Наперекор заповеди Христовой: „в терпении стяжите души ваши“ нынешняя церковь защищается от врагов своих мечом светской власти, ведет войны, платит злом за зло и впадает таким образом в смертный грех.

XXVI.

Итак, светская власть не составляет существенной принадлежности церкви подобно, например, ключам, которые необходимы для епископов и священников, так как без них они не могли бы отделять злое от доброго, злым запирать царствие небесное, а добрым открывать. В ведении светской власти — такие действия людей, которые нужны для нее и к которым она принуждает людей, карая за ослушание; какое же отношение может она иметь к делам веры, духовным и невидимым, которые творятся по доброй и свободной воле и по благодати Божией? Действия веры — любовь к Богу и к ближнему, исполнение закона есть любовь, а ее не может произвести в сердце человеческом меч светской власти, ибо она исходит свыше от Отца светов. Для каждого ремесла нужны свои снаряды: кузнец не может держать железо на огне веретеном, а баба не может прясть на клещах, зато кузнецу вполне пригодны клещи, а бабе — веретено. Так и светская власть имеет совсем иное назначение, чем устроение последования Христу, которое состоит в смирении, терпении и всяческой невинности. Только косвенно может этому содействовать светская власть, если она будет несправедливо притеснять слуг Христовых или умерщвлять их за исповедание Христа: тогда, невинно терпя от нее, они явятся достойными последователями Христа. Светская власть полезна для устройства и поддержания порядка в обществе и для ограждения одних от произвола и насилия других.

XXVII.

Итак, состояние первой церкви, когда язычники не имели ничего общего с христианами, было самое благоприятное для христиан и могло бы существовать до настоящего времени, если бы по козням сатаны и по слепоте двух лиц, Сильвестра и Константина, не был влит яд в христианство, т. е. власть папская и императорская. С церковью Христовою совершилось подобное тому, что было с Иудеями. Прибыв в землю обетованную, они прожили там более четырехсот лет, не имея над собою никаких земных владык и находясь только под охраною Бога и Его закона; но потом, отвергнув Бога, они стали просить у Самуила царя. Желание их было исполнено, но во свидетельство великого греха, ими учиненного, Бог послал знамение: гром и дождь. Подобное произошло и с христианами с тою лишь разницею, что Иудеи желали иметь царя из привязанности к земному, надеясь, что их земные дела пойдут лучше при царе земном, чем при царе небесном; христиане же не отвергали Бога и не желали иметь царя с языческим управлением, но это совершилось под видом блага для церкви, которого ждали от принятия императором христианской веры. Последствия оказались противоположные: чего император прежде не мог ввести между христианами, подвергая их мукам, то он ввел под видом приязни к ним и, соединившись с ними верою, увлек их в языческое неверие. Виновны в этом

зле Сильвестр и Константин, но не менее виновны и те последующие христиане, которые, считая себя совершеннейшими и мудрейшими в понимании веры, доказывают необходимость светской власти для блага церкви.

XXVIII.

Поэтому мистр Протива, признавая вред, происходящий от присоединения языческой власти к церкви, и желая, чтобы кто-нибудь уразумел это зло, делит управление на божеское, ангельское и человеческое, человеческое же на: городское принудительное и другое, основанное на св. писании. Правитель, руководящийся св. писанием, не должен прибегать к принудительным церковным мерам наподобие городских правителей. Правителями, руководящимися св. писанием, были в Ветхом Завете пророки, которые были царями над теми, над кем их поставил Бог, а в Новом Завете такими царями являются пастыри церкви, которым вверено управление над душами людей. И как языческие и светские цари руководятся в своем управлении гражданскими правами, так духовные цари должны руководиться св. писанием без всяких примесей. В таком духовном смысле следует разуместь слово царь и в том случае, когда оно в св. писании придается Христу. Из этих слов видно, что высшая власть в евангельском смысле принадлежит Христу, Который вернее всего может быть назван царем, ибо вернее всего направляет человека к спасению. От Него эта власть переходит к духовным пастырям, и какое управление установит Он, такого должны держаться и они, т. е. руководиться одним евангелием без примеси законов гражданских и папских, которые подобно яду только отравляют людей, заставляя их отступать от истинной веры.

XXIX.

Царство Христа есть царство жизни, имеет божественное начало и есть самое совершенное. Св. писание говорит, что Христос будет царствовать во веки в доме Иаковле. Дом Иаковль составляли вначале сыны Израилевы, а теперь это избранные из христиан. Христос царствует над этими избранниками, во-1-х, по высшему праву, как Бог и Создатель всех, во-2-х, как Искупитель людей из власти дьявола. Но чтобы иметь над собою царем Христа, нужно всецело Ему отдаться; Его управление исключает всякую другую власть: власть дьявола, власть грехов, власть какого-либо творения, ибо всякая власть, которая приобретет силу над человеком, отторгнет его от Христа. Поэтому и светская власть, которой человек должен подчиняться в делах временных по воле Христовой, может отторгнуть человека от Христа, как скоро примет на себя то право и ту мощь, которые принадлежат Христу. Над кем царствует Христос, тот достигнет спасения; но для этого необходимо полное послушание Христу: кто в чем-нибудь ослушается Его,

тот лишается спасения, ибо всякий преступающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога. Из всего сказанного разумный человек может усмотреть, как велико совершенство царя Христа, и с каким тщанием каждый должен был бы стараться иметь Его над собою царем, так как благо отдельного лица и всех людей в этой жизни и будущей зависит от Его могущества и совершенства. Далее, из сказанного легко видеть разницу между управлением земных царей и царством Христовым: насколько последнее возвышенно и животворно, настолько первое ничтожно и бесплодно. Царство Христа так могущественно и совершенно, что если бы весь мир хотел иметь Его своим царем, то не было бы надобности в царях земных, ибо все пребывали бы в любви и справедливости. Земная власть нужна ради преступников, которые могли бы сделать много зла, если бы их не подавляла власть; но если бы царствовал Христос, то все зло пало бы, и грех был бы извержен — не по принуждению светской власти, а по свободной воле человека, из любви к Царю Христу. Напротив, лишь только люди отвергнут царство Его, как грехи тотчас станут расти и размножаться, и тогда является необходимость в земных царях, которые своею жестокою властью подавляют насилия, совершаемые людьми друг над другом, и предотвращают общество от окончательного уничтожения. Иногда же Бог на грехи людей отнимает у них и ту помощь, которую доставляет им светская власть, допуская одних светских владык итти против других, посягать один за другого, брать в плен, грабить, убивать, захватывать имущество другого, как делается теперь в этой земле. А бывает и так, что Бог не дает никаких властей, предоставляя людям драться друг с друга, что кто может, и не давая возможности ни в ком иметь опоры. Над кем царствует Христос, тому светская власть будет полезна и своею добротою и злобою, ибо первая будет содействовать временному благополучию, а терпение, с которым будет переноситься вторая, вменится в заслугу в будущей жизни. А над кем Христос не царствует, тому не принесет никакой пользы и то, если бы сам св. Петр царствовал над ним по обычаю царей языческих.

XXX.

Возникшие ныне разногласия и распри по поводу власти с языческим управлением, могущие сделаться еще сильнее, происходят оттого, что нынешнее ослепленное христианство полагает в этой власти все свое благо относительно временных своих интересов, хотя и не имеет от нее выгод в той степени, в какой бы ожидалось, другая же, самая главная причина лежит в духовенстве и в магистрах, которые смотрят на эту власть как на необходимую принадлежность церкви, как на особенную составную часть ее. Этих частей три: паны, обязанность которых защищать церковь, бить, жечь и вешать всех противников веры; священники, которые должны молиться, и сельские люди, которые обязаны работать и кормить этих двух тучных и ненасытных ваалов, т. е. панов и духовенство. Основываясь на этом

взгляде, духовенство и магистры полагают, что наилучший христианин должен быть царем над христианами, и что это будет содействовать благу церкви; но это противоречит тому, что было сказано выше о Христе, как о царе, и пригодно только для римской церкви, которая нуждается в царской власти, чтобы при ее помощи действовать мечом против разных своих врагов, ибо эта церковь не хочет терпеть ничего, ей противного, и все хочет драться и цедить кровь из людей. Истинный христианин не решится царствовать над христианами. 1) Он не может иметь подобного намерения; 2) он не дерзнул бы этого сделать, ибо не дерзнет делать того, на что не имеет власти; 3) он не дерзнул бы этого сделать и потому, что этим он мог бы ввести в мир много злого и ниспровергнуть и уничтожить много доброго; 4) он этим прогневал бы Бога. Над христианами должны быть мудрые духовные правители, которые должны руководить разумными душами людей, не говоря им ничего, кроме слов жизни Царя их, И. Христа, дабы привести их к послушанию этому Царю. Они должны возбуждать любовь к Нему и надежду на Него в том, что Он может в избытке дать людям все, чего они желают от Него и в чем они нуждаются.

XXXI.

Мистр Протива, пространно говоря об этом предмете, указывает различие между управлением языческих или светских царей и евангельским управлением И. Христа. 1) Установитель евангельского управления есть Бог и едиnorodный Сын Его; управление языческое введено по замыслу или домыслу слепых грешников. Бог отверг это управление для своих избранных и оставил его у язычников для того, чтобы, они хотя с трудом могли сохранить себя в земной жизни. Закона Христова вполне достаточно каждому человеку и в этой жизни и для вечного спасения; он учит человека тому, что он должен делать для своего блага и чего избегать.

XXXII.

2) Право гражданское, или право языческих царей, имеет цель установить между людьми справедливость во всем, что касается тела человека и телесного имущества; напротив, право евангельское имеет целью духовное совершенствование людей. Так как язычники полагают свое благо только в безопасности тела и имущества, то они и держатся гражданского управления. Точно так же и те христиане, которые обратились в язычество, отвергнув Бога и Его закон, и стремятся только к земным удовольствиям, к свободе и покою в мире, и к телесному обогащению, те также стоят за светскую власть, которая полагает их желаниям, а в случае опасности, угрожающей их жизни или имуществу, употребляет в дело оружие или дает возможность судом возвратить потерянную собственность.

Справедливость, которую стремится водворить светская власть, необходима для самих правителей: если бы один пошел на другого и вообще делал зло другому, то и царство бы разрушилось. О других добродетелях светская власть не заботится и потому, кроме несправедливости, допускает всякие другие грехи. Управление Христово устрояет человека духовно в добродетелях и приводит его к такой невинности, при которой он может угодить Богу и заслужить награду в вечности. При этом управлении человек совершенно иначе относится к телесным лишениям: не мстит за них и не ищет удовлетворения на суде, а терпеливо переносит их.

XXXIII.

Управление гражданское и царей языческих утверждает человека в состоянии падения, в котором он находится после совершения первого греха, и все более отдаляет его от состояния невинности, напротив, управление Христово, требующее распятия со Христом ветхого человека, препятствует падению и содействует духовному обновлению людей.

XXXIV.

3) Все, что гражданское управление считает справедливым, к тому принуждает человека против его воли, а потому такая власть называется принудительной: она побуждает человека к тем добрым действиям, без которых мир не мог бы пребывать в своей целостности, и достигает своей цели, если действует согласно с высшею божественною волею; но если Бог захотел бы уничтожить мир за грехи людей, то все цари земные не в состоянии были бы отстоять его своею властью. Напротив, закон Христов требует, чтобы человек делал добро по доброй воле. Пред человеком — добро и зло; к добру призывает его Христос, ко злу — дьявол и свет. От его свободной воли зависит выбрать то или другое. Из этого видно, что управление Христово требует такого совершенства, которое не для всех доступно и к которому не все стремятся, а потому оно простирается лишь на тех избранников, о которых возведено было ангелами еще при рождении Христа: мир на земле людям с доброю волею, т. е. тем, которые свободно, из любви ко Христу, сделаются его последователями.

XXXV.

4) Хотя христиане во многом превосходят других людей, но между ними самими установлено было равенство, и никто не должен был возвышать себя над другими; поэтому истинный христианин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами. Кроме того, для христиан обязательна апостольская заповедь — друг друга тяготы носить: как же добрый

христианин может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем? Что царская власть есть тяжкое бремя для подданных, видно из того, что по смерти Соломона Иудеи просили сына его облегчить их от работы отца его жестокой и от ярма его тяжкого, а Ровоам, посоветовавшись с такими же безумцами, каким был сам, отвечал сурово: перст мой будет вам тяжелее хребта отца моего. Из этого видно, что и наимудрейший Соломон своею властью был тяжким бременем для народа. Сам И. Христос запретил ученикам своим возноситься друг над другом: Царие язык господствуют ими и обладающие ими благодатели нарицаются; вы же не тако, но болий в вас да будет, яко мний, и старей, яко служай. И в Ветхом Завете Гедеон отказался от предложения иудеев быть над ними царем и отвечал: не возобладаю аз вами и не возобладает сын мой вами: Господь да владеет вами.

XXXVI.

5) Истинный христианин не посмел бы царствовать не только над добрыми христианами, но и над злыми, якобы для их исправления. Для достижения этой цели он должен был бы держаться какого-нибудь закона и, основываясь на нем, приказывать людям делать то, что нужно для их исправления: без закона не может царствовать ни один царь. Ни один человеческий закон не может в такой степени содействовать нравственному совершенствованию людей, как закон Божий. Закон Моисеев был хороший закон, ибо сам Бог дал его своему избранному народу, но христианский правитель не может руководствоваться этим законом, так как он уже принесен и заменен другим законом — законом Христовым, а закон Христов весь основан на любви к Богу и ближнему. Поэтому, если царь доведет злых людей до того, что они будут любить Бога от всего сердца, и ближних, как самих себя, то, без сомнения, значительно усовершенствует их в нравственном отношении. Но вызвать в человеке любовь к Богу нельзя принудительными мерами: она основана на свободной воле человека и порождается словом Божиим. Если же царь будет исправлять злых людей проповедью слова Божия, то он обратится в священника и не станет прибегать к той власти, которая не иначе исправляет людей, как только вешая их. Итак, христианин, действуя по совести, не стал бы вмешиваться в светское управление, во-первых, потому, что он этим путем не исправит людей, а во-вторых, ради того, чтобы не сделать чего-нибудь дурного, противного совести, например, чтобы не произнести несправедливого приговора на суде. По свойственному людям недоверию судья, будь он самый мудрый, сомневается и в правоте истца и в правоте ответчика, а потому и в справедливости самого приговора. А так как никто не должен был бы судить без познания правды, ибо сам Бог приказывает судьям творить

суд правый сиротам, вдовам и всем прочим, то судья или сам царь, не зная правды, впадает в соблазн и должен судить, основываясь на показаниях свидетелей, которые, в свою очередь, могут быть лжецами. Иногда же приговором судьи могут руководить приязнь, ненависть или корыстолюбие. К людям, которые присваивают языческую власть для того, чтобы ценою страданий других устраивать себе роскошную жизнь, может быть применена ветхозаветная притча о деревьях, которые обратились к маслине, смоковнице и виноградной лозе с просьбою царствовать над ними. Ни та, ни другая, ни третья не согласилась, потому что должны были лишиться всего, что составляло их прелесть, и только терновник ответил: если вы выбрали меня царем, то войдите под мою сень, а если не хотите, то пусть выйдет из меня огонь и пожрет кедры ливанские.

XXXVII.

Эта притча означает, что люди, обладающие дарами благодати Божией, не променяют их на блага тела и света, на господство и повышение, зная, что все это влечет за собою жестокость, немилосердие, насилие, грабеж над своими же братьями; а терновник, острый и жестокий, смело говорит: так как вы меня выбрали господином, то знайте, что я ваш господин и буду властвовать над вами так, что на иных и кожа не останется целою: я им обрежу крылья, обдеру мужика как липу. А другой еще скажет на это: ничего! дери с мужика: оправится, как верба у воды. Люди, живущие в роскоши, с толстым брюхом, проросшим салом, оправдывают такое отношение к простому народу. „Ведь это наши люди; отцы наши купили их на вечное наследие нам; они внесены в земские доски, и у нас есть грамоты на них: отчего же нам не пользоваться властью и не господствовать над ними? Кто может запретить нам не наказывать наших холопов, как нам угодно?“ Страдания, смерть и потом ад — вот естественное наследство, которое оставили предки потомкам; людей же с поместьями они не имели право покупать и оставлять в наследство, ибо Господня земля и исполнение ее, вселенная и вси живущии на ней (Пс. XXIII, 1), — тем более покупать для того, чтобы обращаться с ними хуже, чем с собаками. Бог сотворил людей в угоду себе, И. Христос искупил их кровью своею: кто после этого имеет право покупать их? Поистине эти покупщики дадут отчет на страшном суде.

XXXIII.

Из всего вышеизложенного видно, до какой степени вмешательство двух владык, светского и духовного, в христианскую церковь нарушило то состояние чистоты и невинности, в которых она была установлена апостолами и пребывала триста двадцать лет. И хотя многие люди считают это вмешательство полезным для веры, но этот яд никогда не был и не будет верою, а всегда останется ядом, отравляющим людей и мертвящим

веру; а потому христиане должны помнить, что, соблюдая истинную веру, они не могут господствовать над другими по обычаю языческому, не могут покупать людей, искупленных Христом, для которого и пан и пастух равны, ибо Он столько же крови пролил за пастуха, сколько и за пана. А между тем апостолы антихристовы считают эту светскую власть третьего частью церкви.

XXXIX.

По учению римской церкви светская власть основана на св. писании и прежде всего на следующем тексте: Попрошаху же его и воины глаголюще: и мы что сотворим; и рече к ним: никого же обидите, ни оклеветайте и довольни будите оброки вашими (Лук. III. 14).

XL.

Эти слова сами по себе не могли бы наточить меча христианам, дабы они могли им проливать человеческую кровь, но великий столп церкви римской (Августин), который сильно поддерживает ее, чтобы она не пала, придал этому месту смысл острого меча между христианами. Он выражается так: Если бы христианское учение совершенно осуждало войну, то обратившись к Иоанну воинам скорее был бы дан спасительный совет сложить оружие и оставить воинское звание; если же он велит им быть довольными своими оброками, то воинского звания не отвергает и войну не порицает. — Но следует заметить одно: хотя мы и должны верить евангелию, но не все то, что там написано, для нас, христиан, обязательно. Там есть остатки старых иудейских узаконений. Так, например, Христос, очистив прокаженных, велел им показаться священникам и принести дары по закону Моисееву. Это было обязательно лишь для тех, кому было сказано, а потом ни один апостол этого не делал, и никто из христиан не был поэтому обязан приносить такие дары по закону Моисееву. Так точно и Иоанн Креститель мог говорить и делать то, чего И. Христос не говорил и не делал и не приказывал Своим апостолам: Иоанн был только предтеча Христов и подчинялся закону Моисееву.

XLI.

Иоанн не возбранял вопрошавшим его быть воинами, ибо закон Моисеев допускал войну, он предостерегал их только от тех грехов, которые они могли творить, нося оружие. Иоанн не был установитель законов и не мог сказать воинам: Оставьте воинские занятия и идите за мною! Христос же мог сказать князю (sic): Продай все, что имеешь, раздай нищим и следуй за мною! Он мог изменить его княжеское звание, мог разлучить его с женою и приказать ему следовать за Собою, но такого приказания Он не давал ему,

чтобы он мечом ограждал св. церковь, чтобы на нее злой ветер не дул. Прежде чем основывать необходимость военного сословия на евангелии, нужно знать, учит ли оно вести войну, силою защищать себя от разных обид, платить злом за зло: если учит, тогда из слов Иоанна можно заключать о необходимости воинов. Но Христос, напротив, говорил: Аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую; запрещал платить злом за зло и учил любить врагов своих. Какое же значение при таких отношениях людей друг к другу могут иметь воины с мечами? Но напрасны наши старания разрешить вопрос о светской власти на основании слов Христовых, когда столп церкви римской хочет, чтобы христианское учение не отвергало войну, и учит христианских правителей, по примеру царей Иудейских и языческих, употреблять насилие в борьбе с внутренними и внешними врагами церкви. Трудно убедить людей в противном, когда язычество прочно насаждено на основании — Христе, и при том именем Духа Святого.

XLII.

Второе место, на которое ссылается римская церковь, следующее: всяка душа властем придержащим да повинуется: несть бо власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть и т. д. (Римл. XIII, 1 и дал.). Это главное основание, на котором утверждают светскую власть ученые, и один магистр Пражского университета сказал мне, что и я должен признавать это, а если не признаю, то буду еретиком. Но они забывают, что ап. Павел писал это христианам в Риме, подчиненным властям языческим. Апостол не говорит, чтобы христиане выбирали себе из своей среды владыку и царя, который бы господствовал над ними по обычаю царей языческих. Власть на подобие языческой может быть полезна христианам лишь тем, что будет искушать их терпение и вызывать на подвиги мученичества. Так, император Сигизмунд выдал верного Гуса и Иеронима на смерть, и через его руки они достигли небесной славы.

XLIII.

Что римские власти, которым ап. Павел повелел повиноваться, были языческие, избивавшие христиан за веру, показывают события того времени, в течение которого эти власти существовали. В продолжение трехсот двадцати лет до Константина тринадцать императоров мучили христиан за веру, тридцать пять епископов, предшественников Сильвестра, было умерщвлено, а других духовных лиц и мирян такое множество, что нельзя и сосчитать, как свидетельствуют, между прочим, книги одной пророчицы. Поэтому основывать светскую власть, на словах ап. Павла несогласно с действительностью; это может делать ради собственных выгод духовенство, опоенное ядом, влитым в церковь Божию.

XLIV.

Ап. Павел учил повиноваться властям 1) для ограждения христиан от обвинений и преследования со стороны ненавидевших их язычников и Иудеев. Пользуясь домами, землями и другими вещественными благами, христиане должны были платить язычникам дани, отправлять разные телесные службы, одним словом, повиноваться им во всем, что не противно совести и не нарушает истинного послушания Богу.

XLV.

2) Власти иногда требуют доброго от своих подданных, например, чтобы между ними был мир, одни другим не мешали и не делали ничего несправедливого, сильные не притесняли слабых. Всему этому учит и вера. Языческая власть принуждает к этому для поддержания своего господства, христиане же должны поступать так без всякого принуждения, повинаясь в этом не столько властям, сколько Богу. 3) Апостол напоминает о повиновении властям также и потому, что иные христиане уклонялись от повиновения на том основании, что они освобождены Христом от власти дьявола и от бремени старого закона. К такой свободе и теперь стремятся многие; но ап. Петр называет эту свободу прикровением злобы (1 Пет. II, 16). Поэтому ап. Павел, предвидя злые последствия такого стремления, которое могло бы повести за собою гибель христиан, побуждает их повиноваться властям и утверждает их в этом словами: несть бо власть аще не от Бога. Это значит, что ни одна власть сама по себе не может быть ни доброю, ни злою, ни языческою, ни еретическою, ибо ничто не может быть, что не было бы угодно Богу, согласно писания. Однако, не всякий стремящейся к власти или ею пользующийся руководится к этому Богом, а действует только по Божьему попущению, ибо одни власти посылаются Богом к устройению земли, а другие на гибель ей: чрез них Бог изливает на землю гнев Свой, подобно крупному граду, губящему семена. Так на наших глазах почти пятнадцать лет свирепствовала жестокая власть, которая заботилась не о том, чтобы поместья были заселены и суды были справедливы, а старалась только все разрушать и истреблять. Но императорское духовенство не хочет допустить, чтобы языческая или другая противная ему власть была от Бога, и слова апостола: сущие же власти от Бога учены суть. Тем же противляясь власти Божией повелению противляется, — относить только к той власти, которая защищает его и римский престол и за которою оно сидит как под тенью. Если эта только власть есть повеление Божие, то она составляет часть веры, и вне ее нельзя заслужить и вечного спасения. Но этому взгляду духовенства противоречат слова писания: сильнии же сильне истязани будут, следовательно, заслугу вечного спасения нельзя ставить в зависимость от светской власти: спасение могут заслужить лишь те, которым дал Бог область чадом Божиим быти, верующим во имя Его; ибо вера

Христова выше того „повеления“, которое состоит в светской власти, и если на ком нет благодати сыновства Божия, тот не будет спасен, хотя бы и верил в Сына Божия. Поэтому слова ап. Павла о властях могут одинаково относиться и к властям языческим, тем более, что когда они были сказаны, никаких христианских властей не было. Стало быть, христиане, обладающие светской властью, будут тогда только выше язычников, когда будут веровать во Христа живою и деятельною верою и получают область сынами Божиими быти. Но в действительности мы не видим такого превосходства христиан над язычниками: напротив, они превышают их злобою. Хотя наружно, устами, они исповедуют Христа, но на деле ненавидят Его. Их связывает с Христом только водица, которою они мочат себя во имя Христово, и эта привязанность их ко Христу напоминает привязанность людей к мертвецу, когда несут его хоронить: спешат дотащить его до церкви, поставить там, а потом опустить в землю, чтобы скорее с глаз долой.

XLVI.

Духовенство, толкуя слова ап. Павла „ученены суть“; понимает их в слишком тесном смысле, относя их только к властям, между тем как они относятся ко всему созданному и устроенному Богом на небе и на земле. Не буду распространяться обо всем Божиим устройении, а только о том, которое проявилось среди людей. Утратив блаженное состояние первых людей, род человеческий остался в великом неустройстве, которое угрожало ему гибелью. Тогда Бог, которому угодно было, чтобы мир существовал многие веки и чтобы люди жили в нем, покамест он стоит, установил для продолжения рода человеческого, чтобы одно поколение рождалось от другого в браке между двумя людьми. Тесный союз между отцом и матерью, составляющими как бы одно тело, обеспечивает телесное благополучие детей и мог бы содействовать их духовному благу, если бы родители проникнуты были истинною верою. Если бы дети не имели отца и матери, соединенных узами супружества, то никто не стал бы заботиться об их воспитании; их жизнь была бы похожа на собачью, и род человеческий при таком неустройстве должен был бы погибнуть. Но одного брака недостаточно для устройства людей. Так как поколения рождаются одно от другого во грехе, и дьявол размножил между ними ненависть, несогласие, раздоры, войны, убийства, восстания друг против друга, то они погибли бы, если бы Бог не установил светской власти, которая должна принудительными мерами поддерживать порядок в человеческом обществе. В этом-то смысле ап. Павел и говорит, что, „несть власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть“.

XLVII.

Но светская власть только до тех пор способствует благополучию людей на земле, пока люди не навлекают на себя гнева Божия своими грехами: тогда эта власть является источником гибели для людей. Цари по дьявольскому навождению воздвигают друг против друга войны, губят тысячи людей и опустошают целые страны, о чем свидетельствуют книги Царств и другие и то, что теперь совершается на глазах наших. Бог есть царь над всеми царями земли и над всеми народами, Он может и поставить царя и свергнуть его с престола, и если люди своими грехами навлекут на себя гнев Божий, то ни один земной царь не спасет их от гибели. По поводу всего сказанного могут спросить: каким образом языческие цари, исполненные слепоты и заблуждений, не думая о Боге и не зная Его, могут устроить людей хотя бы даже и в земном их благополучии? Действительно, цари, которые должны были бы управлять согласно воле Божией, стремятся к власти для того, чтобы пользоваться почетом и разными земными благами. Мистр Протива говорит, что начало могуществу царей и городов положено произволом: Каин, по объяснению хроники Иосифа, построил город для того, чтобы удобнее было совершать насилие и сохранять награбленное добро.

XLVIII.

Да и не видя воли Божией, цари не могут не исполнять ее. Если они не будут согласно воле Божией охранять земное благосостояние людей, то могут лишиться власти, ибо между подданными произойдут раздоры, и возникнет недовольство на правителя. Воля Божия состоит в сохранении посредством власти временного благополучия людей, но Давид и другие праведные цари споспешествовали и духовному благу своих подданных, уча их закону Божию, употребляя, при том и принудительные меры против непокорных, ибо закон Иудейский был телесный и не возбранял пользоваться телесными мерами.

XLIX.

Обращаясь от Иудейских и языческих правителей к носящим имя христианских, мы находим, что они в наказаниях и судах не держатся ни Ветхого ни Нового Завета, а руководятся наравне с язычниками гражданским и императорским правом. За всякое преступление они вешают людей, не давая им покаяться; между тем и в Ветхом Завете вора не осуждали на смерть, а обязывали возратить украденное четверицею, а в Новом Завете тому, кто крал, дается совет вперед не красть, а трудиться. Итак, ни брак ни светская власть не могли довести людей до того совершенства, которое необходимо для спасения. Тогда Бог послал на землю Сына Своего, Спасителя мира, дабы мы Им живы были. Он устрояет Свое царство

совершеннее, чем цари земные. Он множество верующих соединяет воедино, дабы все были единого сердца и единого духа, служили друг другу с любовью и творили должное по отношению к Богу и к людям без всякого принуждения, но из любви и по доброй воле.

L.

Устроение Христово простирается на всего человека: и тело и дух его должны служить на честь Богу; оно вводит человека в общение с Богом, снимая с него скверну первородного греха. Светская власть касается благ временных, скоропроходящих, устроение Христово prepares человеку блага вечные.

LI.

Слова апостола: противляйся власти Божию повелению противляется; противляющиеся же себе грех приемлют, — которые приводят в защиту светской власти, должно понимать разумно, т. е. грех сопротивляться власти в том случае, если она требует чего-либо согласного с устроением Божиим, если же власть нарушает в чем-либо заповеди Божии, то она сама впадает в смертный грех. Неповиновение власти есть грех, если нарушение ее приказаний есть нарушение заповедей Божиих или происходит от привязанности к свету и жизни или от грубости: так иной бедняк покажет сопротивление неразумным словом, да день иди два сидит в колодках или бывает бит, но более тяжкий грех — сопротивление власти из ненависти к ней, что иногда происходит оттого, что действие власти приходится кому-нибудь не по нраву.

LII.

Но главнейшая причина, по которой многие сопротивляются власти, есть ее жестокость, обременительные налоги, подати, барщины и многие несправедливые действия, вызывающие стоны, ропот, порицания и проклятия в людях малодушных и радость при возможности сделать что-нибудь злое господину. В таком случае грешат и господа, несправедливо поступающие с подданными, и подданные, желая мстить своим господам. Одно из двух: или, живя на земле господина и пользуясь его охраною, без ропота сносить все тяготы, или избежать жестокого обращения господина и не пользоваться выгодами, которые доставляет жизнь под его властью. Не поглядит господин, что ты ропщешь, что не хочешь с песнями ехать в лет во время метелицы: с плачем, а пойдешь, а он тебя еще будет бить по голове. Поэтому напрасно противиться потоку речному: не будешь покоряться, ничего не облегчишь ропотом. Ропот еще усилит жестокость власти, а тогда и терпеливым трудно избежать гибели.

LIII.

Многие также противятся власти (в том числе и мы) по некоторым причинам, которые считаем достаточными, основываясь на вере. Мы не признаем власти там, где ее нет, не будет и быть не может, и признаем ее там, где она есть, будет и где должна быть по необходимости. Мы не признаем власть необходимую принадлежностью веры, и того, чтобы без светской власти вера не могла бы сохранять свою твердость и правоту. Это — учение духовных лиц, обогатившихся при помощи светской власти, которые за нею утучняют свои брюха и обильно их откармливают. Вера и богочитание были раньше, когда светская власть стояла отдельно и даже была им враждебна. Светская власть нужна, как слабое средство предохранить свет от гибели, но по отношению к вере она только вредна. Необходимость ее для веры можно допустить лишь в том случае, если под церковью, как учит духовенство, должно разуместь все множество грешников, называющих себя христианами; но для укрощения и устройства этих людей достаточно было бы и одной светской власти, и в духовном сословии не было бы надобности.

LIV.

Примеры справедливого сопротивления власти — три отрока в пещи Вавилонской, Мардохей, Маккавеи.

LV.

Также некоторые учителя церкви наставляли людей в том, что они не должны повиноваться властям, если они требуют чего-либо противного заповедям Божиим, и такие власти осуждаются апостолом на проклятие (Гл. I, 8). Но если бы люди стали держаться этого учения, с кем бы паны стали ходить на войну, так как заповедь Божия запрещает делать другим то, чего мы сами себе не желаем, а на войне мы делаем зло другим? Да, если бы христиане строго соблюдали заповеди Божии, то полились бы потоки крови мучеников — жертв этих обьязычившихся властей; не стали бы они с ними ходить на приступы, убивать и разорять, а скорее сами склонили бы свои головы под меч. А теперь этот скот безумный, омоченный в святой воде, отвергнув Бога и закон Его, с радостью творит всяческое зло, будучи давно совращен римскою церковью и опившись вина великой блудницы.

LVI.

Далее св. Павел говорит: Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым: хочещи же ли не бояться власти, благое твори и имети будещи похвалу от него. (Рим. XIII, 3 — 4). Здесь под князьями следует разуместь не

тех, при помощи которых римская церковь обливает себя кровью, точа ее из людей, а князей языческих, которым апостолы учили повиноваться во всем добром. Как же понимать слова: князи не суть боязнь добрым делом, но злым? Как языческие князья могли знать, что добро и что — зло? Есть два рода добрых действий: одним, самым совершенным, учит вера; другие же были известны и язычникам: это такие действия или поступки людей, без которых невозможно было бы их земное благосостояние. Так люди должны были воздерживаться от всякого насилия, от посягательства на чужую собственность и т. п., и власти должны были поддерживать этот порядок на земле, и те, которые не возбуждали против себя никаких жалоб, не имели привычки бояться властей, а заслуживали еще их похвалу. Таковы были Захарий и Елисавета, ходяще во всех заповедях и оправданиях Господних беспорочна.

LVII.

Но к справедливости, вытекающей из веры Христовой, и к добрым делам, которые повелевает творить Бог, слова апостола: хочеши же ли не бояться власти и т. д. не применимы. Хотя справедливость, которой требует Бог, совершенна, и язычники должны были бы чтить ее, но они не знают ее и по своему неразумию считают превратною и вредною, так что готовы из-за ее убивать самых невинных людей. Тут уже не может быть речи о похвале. Христос и Его апостолы делали добро, но были умерщвлены властями за свои добрые дела, а после них и многие другие праведники подверглись той же участи. Поэтому ап. Павел строго отделяет справедливость, предписываемую верою, от той, которой требуют князья (1 Кор. II, 6 — 8), и указывает главную причину умерщвления христиан в том, что мудрость веры Христовой была скрыта от князей сего мира.

LVIII.

Другая причина, по которой христиане возбуждали против себя ненависть язычников, — совершенно отличный от них образ жизни.

LIX.

Слова апостола: Божий бо слуга есть, тебе во благое, — служат для римской церкви с ее учителями главным доказательством того, что для блага святой матери церкви необходим император, этот Божий слуга с мечом, который охранял бы ее, дабы она могла спокойно петь часы, отправлять службы Божии и восхвалять Бога. А потому никто не смей порицать слугу Божия с мечом: он служит к великому благу церкви, ибо меч слуги Божия обеспечивает покой церкви; никто не смей порицать и множество латников, ибо они также служат ко благу церкви; нельзя порицать

и судей, городских советников, бирючей, ратуши, тюрьмы, колодки, дыбы, ибо все это орудия слуги Божия, при помощи и посредством которых он служит Богу ко благу церкви.

LX.

Слово апостола: „слуга Божий" нельзя понимать только в одном смысле: оно имеет обширное значение. Все, созданное Богом, служит Ему, будучи средством для исполнения воли Его. Поэтому не только добрые люди, но и злые служат Богу, хотя не одинаково: злые исполняют волю Божию, не ведая Бога и ища исполнения своей воли. В таком смысле и кесари римские были слугами Божиими; хотя они были язычниками, убийцами и проливали кровь апостолов и других христиан, но, заботясь о поддержании между подданными справедливости и порядка, они тем самым служили Богу. Сам Бог, могущественнейший царь всего мира и властвующий над царями всей земли, подчинил им народы, как Своим урядникам, хотя многие из них и не знают, что над ними есть Бог, царь небесный, но исполняют волю Его, будучи подобны плугу в руках ратая, не разумеющему, что им делает ратай. Они необходимы для сохранения на земле рода человеческого, который погиб бы вследствие своей греховности, если бы цари не обуздывали его; они нужны, как лекарство, как пластырь к гнойной язве. Если же это лекарство не подействует, тогда Бог насылает на народы других царей, чтобы смыть их с лица земли, как грязные помои, вместе и с царями их, как это было с Иудеями, которых избивали язычники вместе с их царями и заключали в темницы.

LXI.

Пример царя, посланного Богом в наказание людям за их грехи, представляет Навуходоносор, которого сам Бог назвал „слугою Своим".

LXII.

Если в таком именно смысле цари могут называться слугами Божиими, то все доводы и толкования, которые приводит духовенство в пользу необходимости языческой власти для обороны церкви, не согласны с христианскою верою. Христиане обязаны последовать Христу в терпении и смирении; если же они отвергли терпение и смирение и прибегли к обороне императора, то уже перестали быть христианами.

LXIII.

Понимать истинное значение слуги Божия необходимо в виду того, что римская церковь торжественно устала весь свет со всеми его

беззакониями в служении Богу, натворила множество различных сбродов под покровом веры и присвоила им особенные роды службы Богу. Поэтому разумный человек, желающий по истине служить Богу, должен тщательно разузнать, в чем должна состоять эта служба; если он придет к убеждению, что служить Богу значит жить верою Христовою, то и тут может впасть в заблуждение, ибо все установления римской церкви основываются ею на Христе, на Его словах, на Духе Святом и имеют вид истинного служения Богу. Одно только обстоятельство может обереечь разумного человека от обмана: это противоречие между блеском и торжественностью служения римской церкви и греховною жизнью всех ее многообразных слуг. Истинное служение Богу имеет то свойство, что отдаляет человека от всех скверн света и тела и устанавливает его в истинной невинности совести и жизни согласно учению Христа и Его примеру; все же остальные службы далеки от этой, ибо совершаются людьми с оскверненным сердцем, соединяются с нарушением заповедей Божиих и основаны на ложном толковании св. писания и на авторитете разных прославленных людей. Так князья и рыцари основывают свою службу на язычнике кесаре Нероне, применяя к себе приведенные слова ап. Павла, монашество — на авторитете старинных прославленных монахов, которые придумали для него особенные законы, другие основываются на папе и на его законах.

LXIV.

Далее апостол говорит об этих слугах: Аще ли злое твориши, бойся; не бо без ума меч носит, Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему (Рим. XIII, 4). Слова эти, приводимые в защиту светской власти, не означают, что христиане должны делать добро из боязни меча и обращены к христианам, жившим под властью язычников. Если бы христиане, подобно сынам израильским, вначале их пребывания в обетованной земле, наслаждались свободою и не имели над собою светского владыки с правом царя, никогда бы апостол Павел не наставлял их делать добро из боязни меча. Слишком совершенно было учение апостолов относительно всего, что было нужно, чтобы творить добрые дела и служить Богу, так что не было надобности принуждать к добру посредством меча. Поэтому, если бы христиане были никому не подвластны, апостол Павел не поставил бы над ними царя с языческою властью, ибо и пророк Самуил скорбел о том, что неразумные иудеи, не ценя своей свободы, захотели иметь царя. Апостол потому только предписывал бояться меча светской власти, что христиане жили тогда под этой властью, и от нее зависело их земное благополучие.

LXV.

Апостол знал, к каким гибельным для христиан последствиям приводили жалобы на них пред языческими властями, и советовал им поступать осторожно: во 1-х, избегать подобных жалоб, во 2-х, не сопротивляться властям, когда они требуют законного.

LXVI.

Теперь же, когда эти языческие власти стали нашими, императорское духовенство держится их твердо, как берега, и живет с ними в такой телесной приязни, что приведенное наставление апостолов первым христианам по отношению к нему не имеет значения; ему нечего говорить: если хочешь не бояться власти, делай добро: оно получило светскую власть от императора и само властвует; ему нечего бояться иной власти, ибо оно само может защитить себя своею властью. Кроме того, священники до того привлекли на свою сторону светскую власть, что она только от них и чаёт своего спасения, т. е. от их обедней, чтения псалтыря, вигий, часов и вообще от их богослужения. На всем этом основывают свое спасение светские властители и на этом свете и в будущей жизни, когда из ада перейдут в чистилище, они твердо уверены в том, что если священники будут вечно петь псалмы за их души, то в конце концов „выпоют“ их из ада, и в этой надежде умножают их имущество на том основании, что чем сытее будет брюхо патеров, тем молитвы будут доходнее к Богу и успешнее.

LXVII.

Таким образом необходимость светской власти для обороны церкви выведена посредством ложного толкования слов апостола, и этим ложным толкованием обязаны учителям наимудрейшим, наисвятейшим, которые обставили свое учение текстами св. писания Ветхого и Нового Завета.

LXVIII.

Каким образом ученые защищают светскую власть, можно видеть из спора между мистром Эгидием и Николаем Писецким на Базельском соборе. Вот некоторые из доводов мистра в доказательство того, что закон человеческий, наказывающий людей за некоторые поступки смертью, не противоречит закону Божию: 1) Заповедь „не убий“ не запрещает наказание виновных смертью, ибо в таких случаях не судья убивает, а закон его к этому понуждает; 2) Бог размножает жизнь и смерть, поэтому Он может и убить: Аз убию и жити сотворю цари же поставлены Богом и потому могут так же поступать; 3) ап. Павел говорит: Таковая творящий достойни смерти суть и не бо без ума меч носить; 4) в евангелии: враги моя, оны иже не восхотеша

мене, да царь бых был над ними, приведите семо и изсеците предо мною; 5) Киприан по поводу ветхозаветной заповеди убивать идолопоклонников говорит, что если такая заповедь была до пришествия Христова, тем более она должна соблюдаться по Его пришествии, как это подтверждается словами ап. Павла: Таковая творящи достойни смерти суть.

LXIX.

В таком же род толкуют заповедь „не убий“ Августин и Иероним.

LXX.

Так же рассуждает об этом св. Григорий и снова св. Августин. Из всех этих доводов выходит, что Бога хотят учинить двуустым так, чтобы одними устами Он говорил: не убий, а другими: убий.

LXXI.

Итак, доводы учителей опираются: 1) на словах ап. Павла: достойни смерти суть. В этих словах видят приговор преступникам и закон, разрешающий избивать их. В таком случае эти слова были бы приговором и самому апостолу, который был прежде великим противником Христа. Но если бы Христос послал ап. Павла провозглашать смерть преступникам, то к чему служило бы покаяние, к которому сам апостол побуждает всех людей, ставя себя в пример раскаявшегося грешника?

LXXII.

2) Приводится текст: аще ли злое твориши и т. д. и таким образом необходимость светской власти с правом убивать преступников основывается на примере кесаря Нерона, по повелению которого и ап. Павел был обезглавлен. Однако, все наши слова ничтожны пред церковью и всеми ее премудрыми учителями: она с ними может на чем хочет основывать умерщвление людей. Так как она и праведных людей сжигает за проповедь евангелия, то в ее руках смертный приговор против всех, обличающих ее блудодеяния. Поэтому никто ей не смеет ничего сказать ни против князей, ни против рыцарей, ни против судей, проливающих человеческую кровь: все они исполняют службу Богу, и их деятельность подкреплена авторитетом святых мужей, исполненных Духа Святого.

LXXIII.

Теперь пойдет речь великого Альбрехта, какого-то доктора, о наказаниях, направленная прямо против нас и обзывающая нас лягушками.

Он говорит, что в его время объявилась какая-то лягушка, которая взяла смелость квакать против правды и закона Божиих, что де никоим образом и не по каким причинам не следует убивать человека телесного. Проповедующие такие мысли заслуживают тяжкого наказания, как враги правды. Далее он говорит: Каждый, получивший жизнь от Бога, должен лишиться ее, если противится Богу; а так как каждый, ведущий злодейскую жизнь, особенно еретик и язычник, противится Богу, отнимая у Него Его наследие — душу свою и других, то у таких людей должна быть отнята и телесная жизнь и даже душа, если бы только она была смертною. Мы спрашиваем лягушку: Следует ли вести бой против врагов Божиих или нет? Если следует, значит этот бой справедлив и его нужно вести до тех пор, пока продолжается сопротивление и при нежелании врагов отступить от неправды должен кончиться лишением их жизни; если же не следует, то нужно или бежать от врагов Божиих или уступить им; но тогда церковь останется беззащитною, открытою для произвола насильников, а следовательно, истинное богочитание и религия исчезнут. Если же причина, по которой восстают против смертной казни, та, что жизнь дорога, то разве не дороже жизнь духовная, для блага которой не следует щадить тело?

LXXIV.

Из этого видно, какую нелюбовь к Богу и душам человеческим обнаруживают эти заблудшиеся лягушки под видом любви к человечеству: они требуют пощады телам преступников, не думая о том, что умерщвляя их, мы приносим пользу их душе. Оставаясь в живых, они к своим тяжким грехам прибавили бы еще новые и, таким образом, увеличили бы для себя загробные мучения; сокращая их жизнь, мы вместе с тем сокращаем для них и муки ада.

LXXV.

Все это говорит великий пан Альбрехт. Из его речей познай, разумный человек, до какого извращенного состояния дошла в течение XI с лишком веков церковь Христова после того, как влит был в нее яд: истинное здравие ненавидят, а то, что возросло из яда, считают жизнью. Апостолы проповедывали, что многими страданиями можно войти в царствие небесное; что же говорит Альбрехт, который слывет за знаменитого учителя церкви христианской, такого, что священники считают себя богатыми в знании, если умеют пересыпать его толкованиями свои проповеди мужикам? Он, напротив, ни единым словом не упоминает о необходимости христианского терпения и все благо церкви видит в обороне ее мечом. Он

предпочитает вечному блаженству жизнь сытую, роскошную, салом проросшую, с широким брюхом и румяными щеками, жизнь безопасную, которая ведется за стенами, под обороною меча. Такая жизнь кажется Альбрехту более подходящею для блага церкви, чем жизнь Сильвестра, который скрывался в ямах и лесах от чужого меча. Итак, взгляд Альбрехта телесный и противный вере апостольской; по этому взгляду то, чему учили апостолы, заблуждение, а то, что считали благом язычники, называется Божию правдою. Язычники ведут бой за безопасность телесной жизни, чтобы можно было спокойно служить богам, и по его мнению, служба Божия может продолжаться только до тех пор, пока меч ограждает слугу Божия. Поэтому он боится, чтобы кваkanie лягушки не лишило его меча, перед которым он укрывает свою жизнь, и вооружает против нее людей, прикрываясь заботою об охране истинного богопочитания.

LXXVI.

Итак, правда, которую церковь осуществляет в мести и кровопролитии, есть правда языческая. Если сопоставить то, что говорил Альбрехт, с заповедью любить врагов своих, то правда его обратится пред Богом в великую неправду и мерзость. Поэтому надежнее держаться лягушки, слабо квакающей в кустах, чем Альбрехта, который очень зычно рычит. Едва ли найдется во всем христианском мире такой лютый палач, настолько жаждущий крови человеческой, как этот Альбрехт Великий, для которого лучше избить всех преступников, чем оставить их в живых, хотя сам Бог сказал: Не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему (Иез. XXIII, 11).

LXXVII.

Приведем еще некоторые речи мистра Эгидия. В числе многих своих доводов он приводит следующее: Закон, издаваемый для людей, должен быть приноровлен к их природным особенностям и характерам, а потому сообразно разным человеческим обычаям должны быть составлены и различные законы, которые в разные времена должны изменяться. А так как природа людей совершенных и несовершенных не одинакова, поэтому то, что пригодно для совершенных, непригодно для несовершенных; следовательно, законодатель, управляющий множеством людей, должен издать такой закон, которым могло бы руководиться большинство. Большинство же состоит из несовершенных: значит, он должен давать такие предписания, которые были бы удобоисполнимы для этого большинства, иначе будут слишком частые нарушения закона. Поэтому мужеложство, разбой, убийство, нарушающие общественное благосостояние, должны возбраняться и наказываться законами, но простое прелюбодеяние, хотя и составляет смертный грех и порицается законами, не наказывается, ибо не

нарушает общественного благополучия. Далее он говорит: конечная цель закона Божия — вечное блаженство, а потому всякий смертный грех есть нарушение этого закона; цель человеческого закона есть успокоение общества, а потому им возбраняется все, что нарушает общественный покой. Поэтому закон человеческий не наказывает за публичный разврат, потому что наказания вызвали бы мужеложство и разврат тайный, что гораздо более прогневало бы Бога, чем открытое прелюбодейство.

LXXVIII.

Обо всем этом был спор на Базельском соборе между мистром Эгидием и священником Николаем Писецким. Одна сторона стояла за то, чтобы христиане во всем руководились законом Божиим, другая сторона держалась середины: не вполне отвергала закон Божий и не вполне его допускала. Последняя разделила людей на совершенных и несовершенных, составляющих большинство, и сочла пригоднее для них закон человеческий, допускающий безнаказанно различные пороки. Доводы эти, хотя и кажутся разумными, нисколько не возвышаются над тем, что было у язычников, которые также старались посредством законов поддерживать порядок и спокойствие в обществе. Поэтому если бы мистр Эгидий был язычником, в его словах не было бы ничего странного, но странно, что христианский учитель считает закон Божий причиной непорядков и заменяет его законом человеческим, оправдываясь несовершенством людей. На что же и издан закон Божий, как не на то, чтобы несовершенные люди, отвергнув все греховное, устроили жизнь согласно этому закону? Из всего этого видно, в какой тьме обретаются эти ученые люди, преисполненные яда великой блудницы и отравляющие этим ядом людей, допуская своими законами нарушение закона Божия.

LXXIX.

Полагая все свое благо во власти меча, ученые не могут, однако, допустить ее в целом объеме. Основав на словах ап. Павла: не без ума меч носит — право слуги Божия карать мечом всякое преступление, толкователи писания скоро опомнились: они поняли, что если бы слуга Божий в пылу своего религиозного увлечения стал употреблять свой меч против всех, одержимых смертными грехами, то целая страна опустела бы; у нас в Чехии мало бы осталось людей в живых, мало бы осталось и этого лживого духовенства. Таким образом, меч, направленный защитниками светской власти против преступников, обратился бы на них самих, а потому они ограничили число смертных грехов, против которых должен ратовать слуга Божий с мечом, тремя: разбоем, убийством и мужеложством, как нарушающими общественное благополучие. Если бы слуга алтаря, основываясь на словах Христа, который сказал, что Он пришел не для

праведников, а для того, чтобы грешников привести к покаянию, стал бы привлекать одержимых одним из этих трех грехов к покаянию, он тотчас бы встретил препятствие в слуге меча, который снял бы с преступника голову, прежде чем слуга алтаря успел бы склонить его к покаянию. Итак, двое слуг одного и того же Владыки мешают друг другу отправлять свою службу Богу. Когда служители ратуши хотят кого-нибудь повесить, тогда служители храма бегут остановить это решение, склонить грешников к покаянию и расположить судей к помилованию. Один, чтобы исполнить писание, хочет сохранить жизнь человека, другой на основании того же писания умерщвляет его. Кроме того, великий вред происходит от размножения разных панов, духовных и светских, под одною верою. Все они, в своем служении Богу пользуются мечом и ведут борьбу между собою, которая сопровождается грабежом и всякими насилиями и несправедливостями и ложится тяжелым гнетом на простой народ. Сельский люд должен покупать себе оружие и на призыв своих панов всегда быть готовым проливать кровь. Таковы плоды того яда, который пролит был в церковь Христову папою и императором. Итак, во всех доводах ученых, и прежних и нынешних, я вижу только явное отступление от веры. Христос учил и поступал иначе: ел и пил с грешниками и не осуждал их на смерть, а призывал к покаянию. Пред нами явилось, таким образом, два пути, далеких друг от друга и противоположных один другому: путь Иисусов и путь ученых.

LXXX.

Иисус теперь очень беден: не ходят больше за Ним толпы народа, разве какой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за Ним, как муха из помой. Зато ученые очень богаты и славны в свете, много породили слуг Божиих с мечом, и весь мир взирает на них. Взглянет мудрый свет на Иисуса, увидит, что Он покинут всеми, облечен бедностью, терпит невзгоды, и бросит Его и пойдет к ученым, что по законам своим целыми толпами служат Богу в церквях, на войне, бирючами, при дыбах, в ратушах, под позорными столбами и у виселиц. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый света, а за Иисусом пойдет только безумец, и свет освищет его.

LXXXI.

Еще более противна учению Христову служба мечом потому, что вся она состоит в отплате злом за зло. Хотя и оговариваются, что меч поднимается за дело не свое, а Божье, но Бог ведает, насколько искренна эта оговорка: если бы так было, то люди за причиненные себе обиды и несправедливости не мстили бы; на деле же оказывается, что они не оставляют без возмездия самой легкой обиды словом, а поругание Богу допускают. Христос, напротив, заповедал любить врагов своих и платить им

добром за зло. Непринятый самарянами, он не позволил апостолам низвести огонь с неба. Христос больше заботился о душах врагов своих, чем о Своих временных страданиях. Если бы люди верили словам Христа и следовали Его примеру, то не было бы войн на земле. И битвы, и иные убийства, и всякие враждебные посягательства на других, и всякое возмездие злом за зло происходят только оттого, что мы не любим врагов своих и не переносим с терпением причиняемые нам обиды.

LXXXII.

С устройством истинно-христианского общества, указанном в св. писании, меч и все деяния его, т. е. бои и всякие кровопролития, не имеют ничего общего, как противные призванию христиан и тем добродетелям, которые им приличествуют. Христиане соединены одною верою, имеют одну Главу, одно крещение, искуплены и омыты единою кровию Христовою, молятся друг за друга: остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим, связаны между собою союзом любви и мира: может ли после всего этого какой-нибудь из давних монахов, прославленных святыми, доказать на основании веры, что у христиан должны быть бои и убийства? Христиане, воздвигающие войны и совершающие другие кровопролития, только по имени христиане и последуют язычникам с тою только разницею, что язычники не знали Бога и не имели участия в тех духовных благах, на которое имеют притязание христиане. Нельзя сравнивать бои между христианами и с боями иудейскими, ибо 1) последние были допущены законом.

LXXXIII.

2) Иудеям разрешено было воевать только с язычниками, а не со своими братьями.

LXXXIV.

Христиане, убивающие друг друга в боях во всяком случае лишены участия в духовных благах, обетованных Христом. Если они будут оправдываться тем, что им приходится иметь слишком много дела с светом, и потому некогда думать о высших духовных предметах и постигать их, в таком случае им можно ответить коротко: напрасно они веруют во Христа, напрасно крестятся, напрасно признают чистилище, ибо кто не причастен Христу верою и любовью, того Христос не освободит из чистилища. Если же христиане считают себя участниками в страданиях Христовых и надеются на спасение, а в то же время распинают в себе Христа, убивая друг друга, тогда их ждет наказание и проклятия, большие, чем язычников.

LXXXV.

Бои между христианами противны закону христианской любви, который возбраняет всякое враждебное посягательство на ближнего, на его тело, душу, имущество, честь, — делом или словом, а учит переносить безропотно те несправедливости, которые причиняют нам другие.

LXXXVI.

Апостол Павел оканчивает свою речь словами: Тем же потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Сего бо ради и дани даете, служители бо Божии суть во истое сие пребывающе. Воздадите убо всем должная: ему же убо урок — урок, а ему же дань — дань, а ему же страх — страх, и ему же честь — честь. (Рим. XIII, 5 — 7). Эти слова апостола, как и предыдущие, относятся к отношениям христиан к языческим властям. Апостол учит повиноваться властям во всем добром, что согласно с волею Божиею и совестью и что необходимо для поддержания порядка и тишины в обществе.

LXXXVII.

Вообще в словах ап. Павла нужно внимательно отличать во 1-х, то, чему учил он христиан, основываясь на вере, без чего они не могли бы быть христианами, и во 2-х, то, что касалось временных отношений христиан к людям, не принадлежавшим к вере христианской. Впоследствии эти последние наставления, по ложному толкованию, применили к взаимным отношениям между христианами. Сам апостол не придавал своим словам такого значения: он сам говорит о себе, что, повинаясь Христу, он не смел ни словом, ни делом поступать в чем-либо противно заповедям Христовым, а Христос сказал: Царие язык господствуют ими... вы же не тако (Лук. XXII, 25 — 26). Если бы слова апостола понимать так, как их теперь толкуют, то апостолы должны были бы в каждом обществе христиан, во 1-х, поставить над ними одного из них владыкою, снабдив его мечом для внушения страха; во 2-х, обязать платить дань этому владыке.

LXXXVIII.

В 3-х, установить пошлины на перевозах, больших дорогах и в городских воротах. Но все это чуждо вере Христовой: хотя она и учит в покорности переносить все это от язычников, но не учит творить этого между братьями, соединенными общим искуплением. Нельзя также допустить и того, чтобы ап. Павел, проповедуя евангелие во владениях римского кесаря и обратив в истинную веру две или три тысячи его подданных, мог поставить над ними владыку с мечом, чтобы воевать с кесарем за веру Христову. Все это смеху

подобно, а ученые в словах апостола хотят найти самое твердое основание для светской власти в христианстве.

LXXXIX.

Говорят также, что апостол хотел ввести царскую власть над христианами взамен языческого господства. И это не верно. Апостол, конечно, знал, что у иудеев не было сначала царей, и царская власть явилась у них в наказание за их грехи. Впрочем, имеющие в руках власть не много справляются с св. писанием, учит оно или не учит их властвовать; достаточное для них поучение в этом дает им чрево: оно свидетельствует, что властвовать хорошо, а да страданий бедного рабочего люда и до того, что они владывают над христианами вопреки смыслу веры, им нет никакого дела.

XC.

Было упомянуто о царской власти у иудеев. Св. писание (1 Цар. VIII) подробно повествует, как иудеи, в течение трехсот лет пользовавшиеся свободой и не имевшие над собою царей, обратились к Самуилу, когда сыновья его стали творить несправедливый суд, и просили его поставить над ними царя; как Самуил, по повелению Божию, прежде чем исполнить желание народа, возвестил ему „правду цареву“, т. е. о том тяжком бремени, которое ляжет на народ, когда он будет иметь царя, и как народ, несмотря на предостережения пророка, настаивал на исполнении своей просьбы. Иудеи тяжко согрешили, пожелав иметь царя, ибо отвергли этим Бога, который прежде царствовал над ними, и возложили надежду на человека. Христиане же возвели царскую власть в закон, и цари творят всякие несправедливости, не вменяя себе это в грех, а видя в этом Божественное право. Но если бы Бог дал им право притеснять людей, то не поставил бы им этого в вину и не грозил им за это гневом Своим (Мих. III, 1 — 4). Итак, объяснять слова апостола „дани даете“ в смысле необходимости для христиан царской власти нельзя: это противоречие было бы вере Христовой и закону христианской любви. Христиане должны были платить дани только потому, что жили в языческих владениях.

XCI.

Взаимные же отношения между христианами апостол определяет так: Ни единому же ничим же должны бывайте, точию еже любите друг друга (Рим. XIII, 8). В этих словах сказывается разница между делами веры и делами языческого господства: одни не могут быть другими. Поэтому и соединение язычества с христианством не могло состояться в самом начале. Вначале одни находили утешение пить кровь Христову, другие

проливать кровь человеческую, теперь же и те и другие соединились в общем служении Богу: пьют кровь Христову и точат кровь своих ближних.

XCII.

Основывают светскую власть и на словах ап. Павла: прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки: за царя и за всех, иже во власти суть и т. д. (1 Тим. II, 1 — 3), относя эти слова к царям христианским, которые должны защищать мечом мать свою, церковь святую, которая их самих породила, для того чтобы она, восседая на римском престоле „тихое и безмолвное житие поживала" и, огражденная стенами, спокойно спала, не боясь что кто-нибудь разбудит ее. Но никто из ученых не может утверждать, чтобы апостолы, из желания привлечь на свою сторону светскую власть, как оборону, говорили после проповеди: попросите же Бога за пана покровителя храма, за его жену, за деток и его верных слуг! От таких молитв, что нынешняя церковь возносит за тех „иже во власти суть", здорово ее бокам, и брюхо проросло салом за панскими столами. Но если бы ап. Павел в таком смысле понимал молитвы за властей, то никогда бы не терпел от светских владык ни он, ни последующие мученики. Молитвы, о которых говорит апостол, должны иметь значение щита против врагов христианства, оружия, которое гораздо надежнее оружия телесного. Примеры молитв, обращенных к Богу с такою целью, мы находим в Ветхом Завете: молитва Эсфири, просившей Бога возбудить в сердце Артаксеркса ненависть к Аману, и молитвы Иудеев в Иерусалиме за Навуходоносора, под властью которого были их единомышленники в Вавилоне.

XCIII.

Итак, апостол напоминал христианам молиться за властей, чтобы пользоваться их расположением, чтобы дьявол не побуждал их к войнам и другим кровопролитиям. С такими молитвами за властей и мы должны обращаться к Богу.

XCIV.

Теперь же христиане, присвоив себе светскую власть на основании ложного толкования св. писания, вступая в бой, возносят Богу молитвы за своих владык, чтобы Он даровал им победу, т. е. помог избить противников. Под одною верою образовались многие сброды, и каждый сброд присваивает власть для преуспевания веры и для защиты правды: один сброд поднимается на защиту старой церкви святой, другой на защиту правды закона Божия, третий ограждает церковные установления, которые хотят уничтожить еретики, четвертый вооружается за простой народ; наконец, короли и князья защищают свои владения: эти ведут войны со

всеми; ибо им дороже всего власть и величие в свете. И все эти сброды слывут христианами, все они молятся Богу: Отче наш, иже еси на небесах... и все хотят угодить Богу, губя других и полагая, что если удастся смешать с кровью своих врагов, то этим самым послужишь Богу. И это им не мешает говорить: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим. Молитвы этих сбродов за властей о даровании им победы над врагами есть великое поругание Богу и противны тому, чему учил ап. Павел. Он не прибегал к вооруженной силе для победы над своими врагами, чтобы, одолев их, вести спокойную жизнь: его молитва была о том, чтобы все власти пребывали в мире, и чтобы дьявол не побуждал их преследовать истину. Тихое и безмолвное житие, о котором говорит апостол, необходимо христианам для того, чтобы пожить во всяком благочестии и чистоте, а нынешние отступники от веры желают мира для того, чтобы предаваться всяким мерзостям: ходят толпами по ярмаркам, покупая и продавая, на праздниках освящения храмов, обжираются, опиваются, дерутся, волокитствуют, пляшут. Итак, духовенство не может доказать необходимости светской власти для церкви словами ап. Павла, а так как оно уже давно пользуется этою властью, то может сочинять какие угодно доводы и выставлять их как веру людям, которых оно совратило с истинного пути.

ХСV.

Из всего этого могут заключить, что я порицаю светскую власть. Я ее не порицаю, а чту, насколько это подобает ей, и утверждаю, что она хороша, если Бог через ее посредство проявляет то, что Он признает за благо. Когда же она служит орудием злых людей, тогда я не могу ее похвалить. Я признаю, что светская власть управляет миром и устрояет его в делах временных и земных и потому нужна миру, как крепкая ограда, охраняющая ее от падения. И христиане, которых вера должна была бы сделать совершеннее язычников, нуждаются в светской власти, ибо они отступили от Бога и слились со светом, со всеми его беззакониями. Истинные же последователи Христа, любящие Бога и ближних, как самих себя, не нуждаются в принудительных мерах для того, чтобы совершать добрые дела. Но антихрист лживым толкованием писания подвел светскую власть под веру и направил ее против Христа и Его избранных, так что истинная вера вся искажена и превратилась в объедки дьявола, представляя только мертвые знаки на людях и лживые имена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

~~~~~

I.

Мы начали речь о сети Петровой и будем вести ее до конца. С течением времени ко множеству рыб, уловленных апостолом, или иначе, ко множеству верующих, присоединилось много рыб, или сбродов людей, которые разодрали сеть веры. Эти сброды не хотят пребывать в вере или следовать ей, а тянут веру за собою, и имея каждый свои особенности, противные вере, хотят, чтобы они признавались за веру. Прежде всего поведем речь о сбродовых и поколениях, украшенных гербами. Ап. Павел сказал: Их же бо предуведе, тех и предустави сообразных быти образу Сына Своего (Рим. VIII, 29) и якоже облекохомся во образ перстного, да облечемся и во образ небесного 1 Кор. XV, 49). Иначе христианин, все равно что св. Петр, намалеванный на стене, не имеющий ни жизни ни разума. Но многообразные поколения, украшенные гербами, ведут жизнь, противную заповеди апостола, и превосходят других людей в поругании Сына Божия. Эти поколения вдвойне рождаются во грехе: 1) во грехе Адамовом, как и все люди, и 2) с греховным сознанием благородства своего происхождения, в силу этого благородства они стараются выделить себя перед другими людьми всем, чем только можно: именами, манерою себя держать, одеждою, пищею, постройкою жилища, правами и обращением. Во всем их образе жизни, обычаях и речи выражается тщеславие. Они стремятся обладать всеми благами тела и света, чтобы пользоваться почетом и славою, и избегают всего неприятного, что должны переносить люди за свои грехи. Им неприличны усиленный труд, терпение, преследование, простота, унижение, услужливость: им нужна жизнь свободная, праздная, легкая, пресыщение земными благами, чистота, красота, одежда особых затейливых и изящных покровов; они должны задавать роскошные пиры на удивление всем, как боги и богини; им нужны чистые и мягкие ложа, речь сладкая и вкрадчивая, исполненная лести, с проговариванием: „Не угодно ли вашей милости начать“, благородство заставляет их прибегать к частым и отвратительным омовениям с помощью прислужников, доходящей до мерзости, благородство заставляет их белиться; наконец, благородство требует языческого господства, и действительно, это поколение, украшенное гербами, захватило землю и приобрело власть над другими людьми. Страданиями и потом холопов и „крепкоголовых дураков“ оно может доказать свое благородство, а стоит только холопу перестать работать, так все это благородство поблекнет и сравняется с пастушьим.

II.

Благородство происхождения основывается на языческом обычае добывать гербы от императоров и королей. Одни приобретают их службою в воздаяние за какие-нибудь геройские поступки, другие же покупают их для почета, например, ворота, волчью или собачью голову, лестницу, полконя, трубу, ножи, свиную колбасу и т. п. На этих гербах и держится все благородство, и вся цена ему та же, что и гербам. Не будь денег, для его поддержки, голод заставил бы бросить гербы да взяться за плуги. Не в гербах, а в деньгах главная сила благородства, и когда нет денег, пан сравнивается с холопом и, стыдясь приняться за работу, не имеет и хлеба на обед. Много этих сбродов владык, и каждый из них имеет свой герб, по которому ведет свой род целое поколение; ибо никто не может называться владыкою, если герб не будет свидетельством благородного происхождения, не причастного поколению Адамову. Поэтому, кто имеет свидетелей и может доказать, что он благороден и имеет лестницу или полконя, тому даются грамоты в удостоверение того, что он лучше родом, чем Авель, второй сын Адама, и имеет право всегда называть себя и считаться благородным, так что, если бы он и совершил какой-нибудь самый дурной поступок, то герб не дает ему сделаться дурным. Но кто хочет быть истинно благородным, тот должен доказать, что бабка и дед его по матери и по отцу были владетельными лицами: тогда не будет подлежать никакому сомнению, что он уродился от собачьей головы. Если же таким порядком собачья голова не может засвидетельствовать благородства его происхождения, то от него тотчас начнет вонять холопом, и он уже не может так зычно горланить о своем роде.

III.

Двойное рождение благородного сословия во грехе Адамовом и в сознании своего благородства, основанного на гербах, влечет за собою новые и многочисленные грехи. Сознание благородства порождает тщеславие, отсутствие смирения и терпения. Назови кто-нибудь пана подлым или холопом, он тотчас же потянет его в суд, чтобы очистить себя от холопства и подлости. Другие грехи, вытекающие из того же источника — праздность, стремление к роскоши, языческому господству, жестокость, насилие. А духовенство потворствует этим грехам и говорит панам: в этом нет вреда, это следует или это подобает вашему сану. Такими и подобными речами оно как бы увлажняет эти грехи, чтобы они спорче росли, и обращает их в добродетели.

IV.

Грехи эти от родителей переходят к детям, которых они воспитывают в тех же заблуждениях, в которых пребывают сами, и таким образом

отнимается от Бога Его творение. По благородству своего происхождения паны считают нужным послать своих детей ко дворам в немецкие земли, чтобы они научились там разным похвальбам и иным мерзостям, приличиям, вежливым позам с поклонами и опились тем ядом, который подносят при дворах. Все это происходит от тщеславия: они слишком любят мирское величие, и так как дома им трудно этого достигнуть, то они и посылают детей к великим людям, чтобы чрез них достигнуть какого-нибудь почета, чтобы старшим было чем похвастаться, что вот де сын наш был у короля коморником, а дочка у королевы хвост оправляет или носит. До такой степени размножились эти гербовые поколения, что земли им становится мало. Все хотят господствовать в богатстве, а иным не на что: многих гнетет бедность, а работать не хотят, работы стыдятся, а глотка у всех большая, вот и идут разбойнически на замки, драть и грабить бедный люд, чтобы наслаждаться своим высоким родом в удовольствиях и праздности, обладая большим богатством. Иные должны без конца, выманивая деньги льстивыми речами и разными обещаниями, а работать ни за что не хотят, чтобы не опозорить трудом своего благородного происхождения. Обширнейшими и наилучшими землями овладели эти паны, и обратились эти земли в пустыни, и волки по ним бегают, а сами они по придворному встают, садятся и проводят все время в бесконечных разговорах о разных новостях. — В св. писании нет нигде указаний, чтобы одни люди были лучшего рода, чем другие. Сам Соломон признавал свое ничтожество, а если в Ветхом и Новом Завете и встречается слово „благородный“, то оно означает благородство, основанное на добродетелях и мудрости. Как гнусна жизнь этих благородных людей, так гнусна и одежда, которую носят мужчины и женщины. Вообще ни язычники, ни иудеи не оскверняли веру Христову в такой степени, как эти поколения, основанные на гербах и неправо примешавшиеся к вере. Они и Богу не угодны и людям во вред и тягость. Рабочий люд несет на себе бремя их благородства, они готовы проглотить его и все, что только есть на земле доброго, стараются захватить и проглотить. Всякий вред от них всем людям происходит и от того, что они всех облачают в себя и заражают собою других, как труп с терпким смрадом, что морит людей. Прежде всего они облачают в себя своих детей и слуг, уча их тщеславию и всем придворным поступкам, а затем и городское сословие перенимает от них их образ жизни. Все это написано для того, чтобы познан был в этих сброды гербовых тот антихрист, о котором говорит ап. Павел, называя его человеком беззакония и сыном гибели.

V.

Такую же силу антихриста против Христа составляет и городское сословие. С тех пор как оно было причтено к вере со всеми своими городскими особенностями, оно жестоко разодрало сеть веры. В основании каждого города и во взаимных отношениях его обитателей так много противного вере, что истинная вера в городах существовать не может. Если

бы кто стал жить по вере, того бы не стали терпеть, ибо он должен был бы отделиться своим образом жизни от остальной толпы, а все свое благо город полагает в согласии обитателей. Истинных проповедников слова Божия город не принимает, считая их для себя небезопасными, а принимает тех, кто проповедует учение докторов или пап, тех, которые защищают городские порядки и говорят: Если вы не обнесете города другою стеною, я с вами не останусь. Поэтому отцы Базельского собора, рассмотрев городские порядки в связи с требованиями закона Божия, не задумавшись отвергли для городского сословия закон Божий и признали более целесообразными законы человеческие, которые имеют цель поддерживать общий покой и благополучие. Поэтому вера в городах подобна костехранилищу с мертвыми костями, о котором никто не заботится, зная, что никто не нападет на нее ночью с оружием. Вера в городском сословии является под видом папских законов, по которым требуется, чтобы евангелие и послания пелись для того, чтобы люди не плакали и не испытывали чего-либо неприятного и чтобы таким образом было ясно, что евангелие в песнях пребывает с горожанами в мире, не разрушает их валов, стен с улицами и пищалями, не побуждает к штурмам, не запрещает звонить, не опрокидывает тучных столов, не возбуждает гнева в членах ратуши. Словом, вера Христова в городах мертва и не дает себя чувствовать: нет от нее ни страха, ни радости, и не могут познать ее эти толстопузые люди, от которых пивом смердит.

VI.

Мистр Протива, говоря об основании городов, замечает, что Каин после убийства брата своего построил город, чтобы сберегать награбленные сокровища, и первый нарушил простоту жизни людей установлением границ между землями и изобретением веса и меры. Итак, убийство привело его к основанию городов, а города для поддержания своего существования должны были добывать себе средства насилием и быть всегда наготове отражать нападения других. Поэтому платя злом за зло, горожане нарушают основную заповедь Христову, а за нею и другие. Сколько, например, несправедливостей творится между ними самими на судах, где руководятся языческим правами и забывают заповедь Христову, запрещающую судиться и повелевающую к ризе придать и срачицу! Грозное слово произнес о городах пророк: видех беззаконие и пререкание в граде. Днем и ночью обыдет и по стенам его; беззаконие и труд посреди его и неправда и не оскуде от стогне его лихва и лесть. (Пс. LIV, 10 — 12). И действительно, в городах обильно размножились грехи всякого рода: мстительность и кровожадность, ведущие начало от самого основания городов; тщеславие, основанное на гербах, возбуждающее корыстолюбие, которым и держится город; затем обжорство, пьянство, телесные удовольствия, разврат, волокитство и т. д., так что каждый является друг для друга ямою, ископанною для того, чтобы сломить в ней голову. Тщеславие овладело

горожанами во всем в такой же степени, как и сословие, украшенное гербами. Они стремятся к почету и похвале, подражая владыкам в осанне, одежде, пищи, питии, устройстве дома; только отхожие места смердят у них точно так же, как у деревенских дураков; во всем же остальном они гонятся за честью. Корыстолюбие им врожденно; каждый заботится о наживе. К этому побуждает недостаток земельных владений и желание иметь обильный стол, высокие и дорогие дома и всякие другие богатства. Чтобы добыть на все это денег, прибегают к торговле, корчмарству, ремеслам, лихве, хитростям. У каждого хитрые намерения против своего брата, чтобы как-нибудь у него урезать, а себе нагнать, чтобы обождать его в том деле, которое с ним заводится, и если кто увидит у другого что-нибудь такое, что ему нравится, то старается выманить себе хитростью. Лихва сильно распространена: ссужаются деньги на определенный срок под именная или луга с тем, что, если они не будут выплачены в этот срок, владелец теряет свою дорогую вещь из-за небольшой ссуды. Таким образом одни богатеют на счет других, и богатые пожирают бедных. Иногда лихва берется под видом какого-нибудь мнимого милосердия или справедливости. Итак, Каин был поистине отцом этого городского люда во многих отношениях: он первый заменил первоначальную простоту жизни хитростью посредством изобретения веса и меры. До него простодушные люди меняли одни вещи на другие, не взвешивая их и не меря, а он установил, чтобы цены были сообразны весу и мере. И вот теперь люди умудряются устраивать так, чтобы для себя мера была больше, а для других — меньше. И хотя вес и меры находятся под ведением рихтеров и правильны, но продавцы назначают слишком дорогую цену на товары или плутуют, сохраняя коренья в сыром месте, чтобы были тяжелее, или примешивая к ним камешки; в хлеб подкладывают мякину. Таким образом город есть сосуд многообразного яду, который отравляет не только самих обитателей, но и окрестных жителей: почти весь сельский люд облекается в тщеславие и алчность горожан, учится их хитростям в торговле, привыкает к их убранству и пускается в их удовольствия. А если бы явился к ним священник, чтобы навести их на истинный путь, то прежде чем он их наведет, они отравят и совершат его своими угощениями, подливая ему пива погуще, подсылая к нему людей, чтобы заискать его расположение, ублажая его, так что мало-помалу незаметно священник останется на их пути. Прежде чем он их мудрости научит, они из него сделают дурака, и дойдет до того, что еще станут над ним смеяться: батенька-то ночью на пиру напился пьян и не мог с большими разговаривать. — Из всего этого видно, какое зло для людей недостаток христианского терпения, заставляющий их ограждать себя стенами и рвами, чтобы только вести покойную жизнь и не терпеть никаких справедливостей ради Бога и своего спасения. И все это зло происходит, во 1-х, от того, что уже сказано было об основании городов и, во 2-х, от того, что антихрист подвел их под веру, и все, что творится в городах, признал за служение Богу.

VII.

Таким образом речь о сбродях монашеских хотя, по-видимому, против них нельзя было бы ничего сказать, так как они отреклись от света во имя Божие и обратились к совершенным и духовным предметам, но несмотря на внешнее отделение от света местом, одеждою и особенными законами, монахи своими вожделениями привязаны к свету, гонятся за суетною хвалою, стремятся к обладанию земными благами, а добровольная нищета, на которую они себя обрекают, существует только на словах. Много различных монахов нищенствующих в каждом монастыре с прислужниками, которые обязаны также собирать милостыню, так как на этом собирании основаны их сытая жизнь, обилие в еде и питье, одежде, дорогих постройках, домах на подобие княжеских. Эти же средства нужны для покрытия издержек на церковные службы на то, чтобы много было риз, чаш дорогих, убрусов, образов, колоколов, органов и иных принадлежностей богослужения. Попрошайничество их не имеет границ. Чего не увидят на рынке, всего подай им: гороху, семян, маку, сыру, снопов или рыб. Такое алчное и ненасытное выпрашивание милостыни недостойно не только христиан, но и евреев. У евреев по закону их не должно было быть просящих милостыню, а христианам апостол сказал: Аще кто не хочет делати, ниже да яст (II Сол. III, 10). И монахам, которые так сильны, как лошади, не следовало бы есть, потому что они могли бы исполнять многие работы гораздо легче, чем старые поселяне. На это скажет монах: хотя мы и не занимаемся телесным трудом, за то мы с большим старанием трудимся духовно: поем, читаем часы за души умерших и служим обедни, за тех, которые мучатся в чистилище. Но послушай, монах: св. Павел и другие, вместе с ним совершавшие апостольское служение, находили, однако, время добывать для себя и для других средства к жизни, не прибегая к попрошайничеству. Итак, выпрашивание милостыни не имеет основания в законе Божиим. Постоянное сбирание милостыни кормит этих монахов: они обращаются в негодаев, предаются разврату и пьянству, бегают без стыда по улицам, заходят в дома, бродят по рынкам, показываются на городских башнях, в окнах и других местах вместо того, чтобы удаляться от света для упокоения в Боге. Вообще между всеми этими сбродами монахов не найдется ни один, который жил бы не только по закону Божию, но даже и по правилам своего устава: они не знают душевного покоя и великого значения уединения для мира сердечного и для религии. Постоянно собирая милостыню, они в том уклоняются от духа христианского учения, что должны постоянно говорить людям о своей нищете, о том, что им нечего есть и пить, а с другой стороны о своих добрых делах, о том, как они молятся за людей днем и ночью, чтобы этим путем выманить себе сыру и других яств. Иному подчас бывает и тяжело и стыдно так лгать, но он связан обетами и только нарушит устав, как его схватят и засадят в тюрьму.

VIII.

Есть еще сброды монахов крестовников и каноников. Эти изобрели себе более мудрые уставы для того, чтобы пользоваться властью и богатством. Одни держатся одного устава, другие — другого и отличаются друг от друга одеждою. Одни ходят в грубой серой дерюге, как будто бы она может свидетельствовать о их большей святости и смирении, а между тем в этой серой дерюге они успели прибрать гораздо больше разных доходов, чем другие, что носят белые суконные одежды с разными причудами или красные плащи с белым крестом. Прикрывшись разными такими знаками смирения, терпения и чистоты душевной, эти сброды завладели богатыми монастырями, а иной раз и целая область в их руках, с которой за один раз собирают целый ушат грошей, а сколько еще зернового хлеба! Эти монахи мудро Богу служат: благочестие свое выражают молчанием, и оттого молитвы их кажутся доходнее. Короли, князья и хоругвенные паны погребаются у них, потому что к ним они относятся с большим доверием, чем к нищенствующим монахам, так как они, имея большие доходы, ближе к Богу, могут постоянно молиться и непременно высвободят души этих изнеженных людей из третьего пекла. В их распоряжении такое количество земли, что королям и князьям не хватает денег для поддержания своей власти. Иногда короли налагают на монастыри налоги: тогда монахи сдерут со своих людей то, что нужно королю, а свое все-таки сполна возьмут. Если бы король стал управлять ими, то они легко бы от него отделались, ублажив его деньгами. Так что народу гораздо тяжелее жить на монастырских владениях, чем под властью короля.

IX.

Все эти сброды монахов, отличающиеся один от другого разными особенностями и соперничающее один с другим, составляют тело антихриста, совершенно противное телу Христову, которого глава есть Христос, а члены должны быть связаны узами любви и веры.

X.

Все названные сброды заражены духом антихриста и враждебны Христу. Сброды, украшенные гербами, противны ему своим тщеславием и содомскою жизнью; горожане — тем, что отвергли закон Божий и руководятся законами судейскими, предоставляющими свободу телу.

XI.

Точно так же монашеские сброды идут против Христа и Его закона под личиною доброты, смирения и лживой святости. Имея сердце и дух антихриста, они своими молитвами и учением разливают этот дух по свету и

отравляют людей ради своего чрева. Отличаясь друг от друга особенными уставами, одеждою, обычаями, поклонами, эти сброды стараются каждый выставить пред глазами людей свою мнимую святость, привлекают их этим путем ради своих выгод, а Христос остается покинутым и забытым, как помело за дверями, так как у Него нет ни высокого монастыря, ни больших колоколов, ни голосистых органов. И мало найдется теперь таких, которые не были бы заражены этим духом, противным Христу.

XII.

Относительно монахов держатся такого взгляда. Так как Христос обещает блаженство за нищету, смирение, молитвы и другие добрые дела, в которых выражается служба Богу, то монахи, избрав себе эти добродетели, исполняют Христов закон. На это можно возразить: похвально исполнять Христов закон, но 1) этот закон требует, чтобы все люди были единого сердца и духа, а этого нет между сбродами монашескими; 2) можно исполнять закон Христов, толкуя его не в том смысле, какой заключается в словах Самого Христа. Так, например, крещение, покаяние, причащение принесут великую пользу, если они сопровождаются живою верою и искреннею любовью к Богу, но если понимать их в грубом телесном смысле и говорить: я принимаю Бога, я гляжу на Бога, я должен пропеть пять: „Отче нашей“ за свои грехи, не изменяя своей грешной жизни и не направляя своей воли к добру, то пользы никакой не будет. Так поступают и монахи: по одежде кажется, что человек исполнен великого смирения и удален от света, а попробуй задеть это смирение хоть одним неприятным словом, увидишь, как он окрысится на тебя и оскалит против тебя свои волчьи зубы, как станет грозить побить тебя, так как у него под *полою* меч или *кинжал*.

XIII.

Если бы нищета монахов была истинная, то была бы благословенна, а так как она ненасытна и недостатков не терпит, то существует только на словах. На такую нищету обрекли бы себя многие горожане и насобирали бы себе много, чтобы иметь стол обильнее, чем у соседей, которые наживаются лихвою. Если нищий монах добьется такого обилия за своим столом, что уж мяса вареного не хочет, а отличный процеженный горох несут от него прочь, так как он машет головою, когда ему хочется дичи, птицы или каких-нибудь других, более вкусных вещей, чем горох, то, конечно, его дела гораздо лучше, чем у многих дворян, которые имеют поле, обрабатываемое одним или двумя плугами и большое хозяйство.

Постоянно выпрашивая милостыню, нищенствующий монах не пренебрег бы и золотом, если бы кто ему дал: запихал бы его в свой мешок алчный монах, накупил бы себе имений, перестал бы попрошайничать и зажил бы себе паном, в тишине воспевая хвалы Богу; но на это ему не дано воли: он должен оставаться в своем ордене и собирать помаленьку семян,

которые дают неохотно, а золота совсем не дают. Тем вреднее деятельность этих монахов, что она основана на измышлении человеческого и только прикрыта кое-чем из закона Божия, да и то понятого в ложном смысле. Бог всем верующим в Него дал один закон, истинный и достаточный для спасения каждого человека, и не мог потом дать лучшего закона, иначе Он признал бы несовершенство первого. Бог хочет, чтобы его слуги составляли одно и были соединены союзом любви, следовательно, законы, устанавливающие разделение людей на многие сброды, суть измышления человеческие.

XIV.

Об этих законах мистр Протива говорит, что согрешили и те, кем они установлены без Божия соизволения, и те, кто их защищает или одобряет, впадают в тяжкий грех, ибо делать то, на что имеет власть один Бог, значит поругаться над Богом и Ис. Христом и избрать себе что-то другое вместо Бога. Сам Бог повелел Иосии, наместнику Моисея, исполнять всецело весь закон, данный Моисеем, и не уклоняться от него ни вправо, ни влево, т. е. не увлекаться тем, что имеет только вид святости, не творить что-либо противное закону. Каждый человечески закон влечет за собою, во-1-х, то зло, что люди, напустившись на этот закон, перестают уже заботиться и помышлять о соблюдении закона Божия; во-вторых, человеческие законы ставят людей в такое стеснительное положение, в котором они бывают принуждены преступать во многом закон Божий, так, например, отдадут мальчика или девочку в монастырь и свяжут их обетом чистоты, а кончится тем, что они предадутся разврату, а будь они в супружестве, могли бы, если бы захотели, уклониться от смертных грехов. Если монах богат, то он стремится к власти и вмешивается в дела мирские; если беден, то становится лицемером, святопродавцем, алчным, лжет, обманывает, льстит.

XV.

Относительно сбродов университетских магистров следовало бы, казалось, полагать, что они являются между христианами, как светила миру, и что вера Христова имеет в них сильнейшую защиту, как со стороны правильного разумения ее, так и со стороны добродетелей, и что истинные христиане в годину искушений могли бы в них найти опору; они сами говорят, что занимаются наукою для защиты веры от еретиков и других ее противников. Но слова эти несправедливы, и едва ли ученые могут чем-нибудь доказать их справедливость в нынешнюю годину искушений. Не знаю, кого бы они укрепили в вере своею наукою. Вот живой довод. Если бы Гус, несмотря на всю свою веру, не имел особенной силы от Бога, то знания всех университетов, сколько их ни есть в римской церкви, заглушили бы в нем веру, ибо в Констанце слетелись все университеты против него. Но всеблагий Бог даровал ему разумение святых, чтобы знания всех этих

каркунов не ослабили в нем веры. Теперь, когда возникло некоторое движение в защиту правды Божией, ясно обнаруживается, к чему направлены все труды ученых магистров: они защищают честь антихристовых заблуждений. Чего только они не сумели доказать: необходимость пап, кардиналов, епископов, аббатов, сбродов монашеских и настоятелей приходов — и все ради своих выгод. Как бы из жалости к своему отцу, антихристу, за тот позор, которому он подвергается чрез оглашение истины, они на соборах Констанцком и Базельском, продолжающемся несколько лет, употребили всю свою ученость на то, чтобы опутать сетями истину, и требовали помощи светской власти, чтобы привести в исполнение все свои измышления. Не говоря открыто, что закон Божий есть заблуждение, они или молчат о нем или укоряют простых смертных в том, что они посредством закона Божия рассевают заблуждения. Если бы они, более мудрые, не укоряя глупых, сами постарались бы разъяснить народу закон Божий, глупые им не позавидовали бы в этом, а прославили бы Бога за то, что Он им, великим, открыл уста для возвещения своего закона.

XVI.

Но так как они сыны антихриста, то предпочитают говорить, что святая церковь сама может составлять законы помимо закона Божия и устроить людей на основании этих законов, и утверждают, что закон Божий не пригоден для городского населения, как не годится наливать молодое вино в старые сосуды, так как они могут полопаться. Поэтому они вовсе отстранили закон Божий, стали из-за него жечь людей и провозгласили его ересью. Этими действиями магистры доказывают справедливость своих речей о себе, что они учатся для того, чтобы оборонять веру, но в том смысле, чтобы вера из-за их учености не могла нигде поднять головы. Таким образом в них заключается главная сила антихриста.

XVII.

Теперь будет речь о сбродах настоятелей приходов, занимающих пастырские должности. Если бы они следовали примеру апостолов, то были бы весьма необходимы для христиан, ибо они должны иметь попечение о душах человеческих; но так как после апостолов должен был появиться антихрист под личиною веры и христианского благочестия, то все места, соединенные с пастырскими обязанностями, захватили в свои руки его апостолы, ибо без этих антихрист не мог бы иметь такой большой власти и подчинить себе всю землю.

XVIII.

Начало тех отношений, в которые вступили к пастве апостолы антихриста, положено императором Константином, который наделил папу

даренными землями и почетом, приказал всюду ставить церкви и присоединять к ним участки земли. Заняв эти церкви, апостолы антихриста, как люди мудрые и хозяйственные, широко воспользовались данным им правом и умножили свои владения разными панскими дарами: лесами, рыбными озерами, податями с населения, десятинами; кроме того, все таинства и пастырские действия сделали предметом продажи, например, колокольный звон, землю для погребения мертвых и таким образом превзошли дворян в умении извлекать выгоды из своих владений. Отнимите у церквей земли и все, что обеспечивает покойную жизнь священников, и не будет ни одного пастыря в стране. Явное доказательство этого видим теперь: сколько стоит пустых церквей потому, что у них отняты земли. Когда ворон не видит и не чует падали, ему нет дела до живых коней, везут ли они или умирают с голода: ему не жалко их, а когда сдерут с коня кожу, он тотчас начнет делать над ним круги и петь ему панихиду: кар, кар! Так и пастыри до тех пор кажутся пастырями, пока стригут овец, доят молоко, жирно жрут, а как нечего ни стричь, ни доить, то пастырь скажет: Не могу быть ничем полезным при этой церкви. Тогда ему нет дела ни до живых ни до мертвых: никому не строит он панихиды, как ни мучься душа в аду, словно ворон, который не может глотать живых коней: усядется где-нибудь на высоте поджидать мертвечины. Такие пастыри не могут распространять веру Христову и служить примером: это волки среди овец. Христос, призывая апостола Петра к пастырскому служению, три раза спросил его: любишь ли Меня? Ему нужно было убедиться в человеке, может ли он привязаться всецело к своему стаду и возлюбить его больше всего на свете прежде всего возлюбить своего Господа и те страдания, которые он понес за стадо его.

XIX.

Кроме того, противны Христу чисто телесные отношения пастырей к пастве: договоры, торги, обязательство доставлять вещественные выгоды в виде десятин пожертвований и других платежей, за что пастыри обязуются совершать разные священные действия. Чтобы побудить к исполнению обязанностей по отношению к себе, священники не ограничиваются одним напоминанием, но прибегают и к принудительным мерам: к проклятию, к высылке в чужие земли на суд предвысшего антихриста-папу. В свою очередь и пасомые требуют по праву от священника соблюдения своих обязанностей. Поэтому между тою и другою стороною нет ни любви, ни доверия, ни свободной воли, а все их взаимные отношения основаны на принудительном праве, измышленном людьми алчными и мирскими, простирающемся на такие действия, которые касаются веры и спасения души и должны совершаться с обеих сторон по любви и вере. Наконец, служение этих пастырей и потому не истинное, что они при совершении его не пользуются ключами, не имеют их, да и не могут иметь, а без ключей, данных Ис. Христом Петру и другим апостолам всякое действие пастыря неправильно и обращается в прах.

XX.

Ключи есть знание закона Божия, необходимое для того, чтобы отделять чистое от нечистого, святое и достойное проклятия; без этого знания нельзя открывать для праведников царствие небесное и закрывать его для злых. Если бы священник пользовался ключами в таком смысле, он не мог бы руководиться различными правами, измышленными людьми, ибо по смыслу веры он не мог бы брать никаких вещественных приношений для удовлетворения своих нужд от людей злых, противящихся Богу и не исполняющих Его закона. Отметая их от участия в благодати, он счел бы недостойным для себя иметь участие в их земных благах, иначе они тотчас бы захотели пользоваться благами духовными, чего они не заслуживают. Этой силой ключей или умения отличать чистое от нечистого нельзя ниоткуда приобрести как только из закона Божия, ибо один закон Божий не имеет скверны: никакое другое знание не может заменить его. Поэтому нет ничего общего между силою ключей и теми обширными поселениями, которые настоятели прибрали к своим церквям, насколько кто мог: иные — большой город и несколько деревень, другие целую округу деревень, и кто успел больше набрать, тот считает себя счастливее соседа: навезут к нему полное гумно десятин. Да и как, завладев целым множеством грешников, мог бы священник пользоваться ключами? Все эти грешники восстанут против него, если он закроет для них царствие небесное и отлучит их от благодати как людей, достойных быть в аду.

XXI.

Неправильное пользование ключами обнаруживается и при исповеди при возложении рук на грешника и произнесении некоторых слов для отпущения грехов. Таким способом отпускаются грехи людям, которые тотчас же после исповеди начнут грешить, ибо не имеют ни воли, ни умысла изменить свою греховную жизнь. Такая исповедь есть ложь антихриста и такое отпущение грехов подобно действиям фигляров и чародеев, которые на виде будто бы что-то производят, а на деле выходит обман. Итак, священник, достигший истинного разумения закона Божия и верящий, что только на нем должна основываться сила ключей, должен пользоваться ими свободно: он не должен подчинять свое пастырское служение никаким правам мирским и человеческим и не путаться в мирские дела.

XXII.

Он должен быть свободен от чародейнического взгляда на силу ключей, которая, по учению римской церкви, состоит в нескольких словах, произносимых над неисправимыми грешниками и в проклинании тех, кто ей

противится. Он должен быть свободен, наконец, от неправой приязни и ненависти к людям. При ненависти он будет относиться слишком жестоко к грешнику, преувеличивая его греховность; при лживой приязни также легко отступить от истины. Иные люди вполне негодны пред Богом, но приятели священника зовут его к себе откусать, даря его, угощают старым пивом, говорят ему в глаза сладкие речи, хвалят его, и, смотри, сердце у священника и размягчится, как у Сампсона, когда за ним ухаживала Далила: хоть и не отпустит всего, но пополам перегнет их грехи, даст им свое благословение и сопричтет их Богу.

XXIII.

Завладев приходами, слуги антихриста имеют полную возможность заражать его духом всех людей, уча их тому, чему хотят, не допуская ни возражений, ни исследования. Они так прикрепили людей к своим церквям, что нелегко кому-нибудь уйти от их духа, и все это делается под мудрым предлогом заботы о спасении людей, чтобы ни одна душа не заблудилась, имея у себя дома своего пастыря и свою церковь.

XXIV.

Третий грех священников есть святокупство. Наивысший антихрист присвоил себе такую власть, что добрые дела не имеют значения, если он и даст на них благословения и разрешения. Поэтому и пастырская должность не может существовать без его утверждения. Это называется заботой о душах, а эта забота о душах находится в продаже: нужно купить ее у епископа, а коль скоро куплена, никто больше не заботится о душах ни епископ ни священник. Такая купля духовной должности есть святокупство, подпадающее проклятию ап. Петра, который проклял Симона за то, что тот дал деньги за силу Духа Святого. Иным приходится покупать пастырскую должность несколько раз: сначала у папы, который дает грамоту с разрешением состоять при такой-то церкви, а потом у епископа — утверждение, но и этого мало: нужно какими-нибудь услугами, просьбами или подарками расположить к себе пана-покровителя церкви. Не одни священники грешат святокупством, но светские паны и дворяне. Одни берут за церковь большие деньги, подарки, съестные припасы и другие вещи, иные отдают церковь по приязни людям недостойным, которых нельзя было бы поставить пастырями даже над свиньями, не то, что над душами людей, у других добывают церкви лстивыми просьбами, а бывает и так, что бьются об заклад из-за церкви, говоря так: На что идет пан, что ты не дашь моему сыну церкви? А пан отвечает: Идет на пятьдесят коп, что дам. А тот говорит: Идет. А пан: Ну, я даю твоему сыну церковь, давай же мне пятьдесят коп!

XXV.

У первых христиан не было такого подчинения церковей светской власти, ибо общины первых христиан пользовались свободой в выборе епископа или иного священника, годного для духовного управления, а потому у них и не могло быть такой продажи и купли церковей: она явилась впоследствии, когда наивысший антихрист приобрел светскую власть, и вся земля была рассчитана и размерена под церкви. При таком положении дел истинным священникам нет места для проповеди евангелия, ибо паны соединились в одно с святокупческим духовенством в духе антихриста против Христа, друг друга поддерживают и таким образом не дают места правде Христовой. Теперь Христос не мог бы послать апостолов проповедывать евангелие всякой твари, ибо две власти, завладевшие всеми углами земли, не допустили бы раскрывать то зло, которым антихрист упокоил мир. Поэтому апостолы антихриста спокойно распевают евангелие по-латыни, и свет не побуждается из-за него к гневу, так как оно предлагается ему в сладких песенках с высокими тонами и благочестивыми напевами, пред ним кадят, возжигают свечи, звонят. Бывало, апостолы, проповедуя евангелия и обличая пороки света, принимали от него смерть, теперь же, когда оно поется по-латыни и чествуется каждением и возжиганием свечей, оно побуждает слушателей сделать вещественное приношение. А попробуй кто-нибудь по-чешски проповедывать против гордости антихриста, сейчас попадет в вонючую тюрьму.

XXVI.

Тяжкий грех берут на себя паны, продавая или отдавая церкви при том людям злым, врагам Христовым. Ведь что дают они? Не один храм с голыми стенами, а храм, к которому приписано множество людей. А что такое эти люди? Творение Божие, которое Бог создал себе в угод и на почитание, и, вдобавок купленное Христом и оцененное Его страданиями. Кому продает пан этих людей, которых Христос купил Своею кровью? Он продает их апостолу антихриста для того, чтобы уничтожить в них то, что Христос желал в них иметь. Христос купил их, чтобы даровать им жизнь и спасение, а пан их продает на смерть и погибель. Помни, пан, коли хочешь, что, продавая храм послу антихриста, ты этим торгом даешь ему власть над людьми, искупленными кровью Христовою, чтобы, получив от тебя эту власть, он отнял от Бога Его людей и изгладил на них следы страданий Христовых. Кичись после этого тем, что под твоим покровительством приход, и что имение твое дороже ста копами из-за этого прихода. Когда наказание постигнет тебя, и гнев овладеет тобою, ты уж не скажешь в гневе: А! Я дам монаху или какому-нибудь чорту! Не заносись слишком: тебя еще не постигло то, о чем будет сказано; а когда оно придет, ты предпочел бы охотнее быть патроном нужника вонючего, чем брать на себя бремя того возмездия, которое ты стяжал себе, покровительством над храмом. Что

такое вся эта троекратная покупка прихода у папы, епископа и пана-покровителя, как не торг людьми, подобный торгу скотом — волами, чтобы на них пахать, коровами, чтобы доить их? Ибо оба пана, светский и духовный, не имеют другого намерения, кроме порабощения людей под тяжкое иго, чтобы они вечно стонали под их властью. Но вот явится самый первый купец и спросит тех остальных, как они купили то, что куплено Им, не спросившись Его и не почтив Его, а, напротив, исказив Им купленное и сделав из него прибыль дьявола. О! Если бы в ту пору можно было сказать горам: закройте нас, да не увидим столь грозного судию! А теперь все это кажется смехом и заблуждением.

XXVII.

Насколько добывание пастырских должностей сопровождается многими грехами, настолько бесполезны и плоды такого пастырского служения. Чтобы добрые дела наши имели значение заслуги, мы должны, по слову Божию, иметь корень добрый. Аз есмь лоза, сказал Христос, вы же рождие (Иоан. XV, 5); ветвь может принести добрый плод, если она жизненно связана с корнем и берет силу из него, а это бывает тогда, когда мы проникнуты живою верою и любовью; священники же, противные Богу, пребывающие во дьяволе, приносят только плоды смерти, хотя и сияют снаружи лицемерным и лживым благочестием. Вся их служба состоит из одних мертвых обрядов, совершаемых по установлению главы их, антихриста. И эти обряды сопровождаются каким-то гудением и ревом во храме, так что и простой народ никогда так постыдно не молится. Или расхаживают с большими книгами по двору, бубня: фам, фрр, фам, фрр, оповещая свою челядь чрез рассыльных, толкаются около деревень, так что срам смотреть на такие масляничные занятия. И этими молитвами, достойными смеха и продажными, можно по установлению антихриста извлекать души из ада. Все у них продано: обедни, чтение псалтыря, крещение, исповедь, помазание елеем, погребение, колокольный звон, словом, что от них хотят, того они даром не дают, ибо сами не даром получили от своего отца, антихриста.

XXVIII.

Теперь, насколько могу, рассмотрю часть тех заблуждений, которые давно уже существуют на свете, и приняты им и в которые он вовлечен человеком греха, антихристом. Особенно важно знать, в чем он всего явнее идет против Христа под прикрытием лживой святости. Во 1-х, он жжет, обезглавливает, гноит и морит в темницах слуг Божиих, а сам ведет жизнь самую развратную; во 2-х, он присвоивает себе власть Божию и власть Христову, когда запрещает людям творить добрые дела без его разрешения и благословения. Хотя бы сам Бог повелел их творить, но если антихрист запретил, то они не помогут человеку спастись. Так, проповедывать

евангелие против его гордости и пить кровь Христову из чаши Христос велит, а он запрещает; то же самое и относительно таинств: нельзя ни крестить, ни служить обедню, ни исповедывать, ни погребать мертвых, если он не позволит. В этом видно не только присвоение, но даже превышение Божией власти, ибо сам Бог, повелевая творить добрые дела, никогда не употребил бы свою власть на то, чтобы возбранять их, иначе Он пошел бы против Самого Себя. Бог повелевает не грешить, но не принуждает к этому, а предоставляет свободной воле каждого уклоняться от зла. Антихрист употребляет принудительные меры, во 1-х, из ненависти к добрым делам, особенно к проповеди истины против его преступной жизни; поэтому он провозглашает такую проповедь ересью. Во 2-х, он хочет, чтобы все доброе шло от него, признавая проклятым все, что совершается без его благословения. Но так как он противник Христа, то добрый путь, на который он хочет навести людей, не есть истинный, а лживый, противный Христу. Но особенно большое зло заключается в присвоении антихристом права отпускать грехи и избавлять от мук ада без покаяния. Он рассылает в разные страны за деньги грамоты, в которых отпускаются грехи людям, никогда не кающимся, не знающим, что такое истинное покаяние и не могущим знать, в чем им нужно каяться. Чтобы знать, что такое грех, нужно знать заповеди, заключенные в законе Божиим, а так как эти люди заповедей не знают, то и не могут каяться в грехах. Власть отпускать грехи принадлежит одному Богу и Сыну его Ис. Христу, который умер за грехи людей и есть агнец Божий, взяв грехи мира. Он знает, кому отпустить грехи, ибо Он один знает сердце человеческое.

XXIX.

Таким отпущением грехов совершенно устраняется надобность прибегать ко Христу, ибо в руках антихриста все спасете мира. Этот антихрист, являющийся под именем Христа, вносит в мир несравненно большее зло; чем всякий другой противник Христа: какой-нибудь язычник, проливающий кровь христиан и сжигающий книги закона Божия, уничтожает христиан телесно, но не может распространить смерть на души их.

XXX.

К числу орудий, употребляемых слугами антихриста для распространения его яда на земле, принадлежат и все святые на небе: апостолы, мученики, святые девы, ангелы и Матерь Божья. Людям, которые в этой жизни не хотят ничего иметь общего с святыми, т. е. подражать их святой жизни, апостолы антихриста толкуют о их великом милосердии к грешникам, о том, что они молятся за них Богу и помогают им в их нуждах. Одни святые имеют силу над огнем, другие над водою, третьи могут избавить человека от позора в свете, четвертые от бедности, пятые от внезапной смерти, шестые от лихорадки, седьмые от падучей болезни,

некоторые от тюрьмы, иные от зубной боли, другие от глазной, одни имеют власть над волнами, другие над змеями, иные над свиньями. Поэтому люди служат святым, постятся в их честь, возжигают свечи, делают приношения, заказывают обедни, празднуют их дни в полной уверенности, что святые избавят их от того зла, которое они терпят. У кого, например, болят зубы, те обращаются к св. Апполонии, которая имеет власть над зубами, так как отец выбил ей зубы во имя Христово. Словом, святые готовы избавить людей от всех тех бедствий, которые посылает им Бог за грехи. Бог покарает, а святые вылечат, и таким образом они идут против Бога. Источником этого лживого учения о святых служит корыстолюбие духовенства, которое, обещая народу великие милости святых, обирает его в своих церквах. Но не только духовенство размножает это идолослужение, присвоивая творениям Божиим то, что принадлежит самому Богу, но и ученые. Они говорят о святых: так как они, находясь еще на земле, много заботились о спасении людей, хотя тело служило им в этом помехою, тем большее милосердие к людям имеют они, освободившись от тела и соединившись с Христом. При таком великом милосердии Бог не откажет им ни в чем, когда они станут просить за грешных. Но выше всех святых Матерь Божия и ее возлюбленный Сын всегда исполнит ее просьбу. О ней толкуют, что она ходит в ад и извлекает грешников из власти дьявола, за то к ней и обращаются со словами: Радуйся Мария, милосердия исполненная! При таком милосердии к грешным никого не останется в аду: всех она добудет из-под власти дьявола. Все, что говорят ученые и другие апостолы антихриста о святых, нужно подвергнуть суду истинной веры, основанной на слове Божиим, тогда обнаружится вся лживость их учения. Священное писание указывает на И. Христа, как на единственный источник милосердия к людям, и все дары и благодать, которыми обладали апостолы и святые, получены ими из этого источника. Но чтобы иметь эту благодать, нужно быть членом тела, глава которого Христос, нужно быть ветвью, получающею жизнь от Него, как от корня; если ветвь не пребывает на нем, она высыхает и вметается в огонь, если же она питается уже из источника живых вод, много ли ей прибавит полевая росинка, упавшая на траву? — а таковы святые в сравнении с Христом, источником полным живых вод. Милосердие святых и Матери Божией никогда не может быть так велико, как то, о котором сказал Спаситель: больши сея любви никтоже имат, да кто душу свою положит за други своя. (Иоан. XV, 13). Он, будучи Богом, творцом человека, соделался человеком ради человека и предал жизнь свою на смерть, чтобы избавить его от вечной гибели, омыть его от грехов Своею кровиею, примирить его с Богом, снискать ему благодать Божию и даровать жизнь вечную.

XXXI.

Благодать же Божия посылается лишь тому, кто отвергнет всякую злобу света и не будет предаваться похотям плоти.

XXXII.

Поэтому неправильно и противно правде Христовой поступают священники и ученые, когда так превозносят великие милости святых в небе, а особенно Матери Божией. Они не могут сказать о ней того же, что о Христе, что она есть путь людям и живот. Хотя она и породила Христа, но не она искупила своею кровью мир: этой силы ни она и никто другой не мог иметь кроме того, кто был вместе и истинным Богом и истинным человеком. Будучи Матерью Христа, она более других святых содействовала спасению людей и потому достойна большего прославления, чем другие святые, но силы даровать спасение людям не имеет.

XXXIII.

Трудно перечислить все то, что говорят апостолы антихриста о святых, заставляя людей оказывать им почести, подобающие лишь одному Творцу. Такое поклонение святым есть идолослужение. Иудеи не посвящали праздников ни одному творению, никому не возжигали свеч и не постились ни в чью честь, как только в честь Бога, что они делают и теперь, повинаясь заповеди Божией. Христиане все почести и службы, которыми должны были бы чествовать Бога, воздают Его творениям, хотя это небесные и прославленные творения. Человеку легче оскорбить величие Божие при помощи таких творений, чем каких-нибудь низких: последние не обнаруживают к нему приязни, между тем как первые сулят ему милосердие и спасение, и вот если он боится, что Бог за многие его грехи предаст его мукам ада, он не надеется на просьбу, обращенную прямо к Богу, а потому просит святых о ходатайстве пред Ним словно пред грозным королем угорским. При господстве таких лжеучений истинному христианину остается только держаться веры, которая учит при всех тяжких испытаниях, которые могут предстоять человеку в жизни, обращаться не к святым, а к одному Богу. Кто соблюдает эту заповедь, тот в години бедствий найдет себе упокоевание в вере, а кто нарушит ее, тот уподобится мореплавателю без весла, который не может уберечь себя от гибели, и будет с одинаковою верою обращаться и к святым и к колдунам, как это мы видим ныне: ходят в Киев к Матери Божией, а в Темелин к колдуну, к Тынской Богородице и св. Прокопу и к сыщику (?); все равно, кто бы ни облегчил: Бог или чорт.

XXXIV.

Говорят, что к святым нужно обращаться с молитвами за их помощь и ходатайство; но мы должны держаться веры, которая учит, что такие молитвы могут быть обращены только к Богу. Есть предметы земные, которые люди могут дарить или одолжать и которых место друг у друга просить, например: топора, мешка, соли, хлеба, одежды, денег и т. п.; с такими взаимными одолжениями люди выражают любовь друг к другу и

исполняют заповедь Божию. Но молиться святым не то, что попросить у соседа мешка, сходить на рынок, тут идет о предметах неземных, касающихся спасения души, а это во власти одного Бога, следовательно, обращаться за этим к святым, значит, нарушать заповедь Божию. Кроме того, побуждая молиться святым, апостолы антихриста слишком принижают людей, выставляя их злыми и великими грешниками, которых молитвы не будут услышаны Богом, с другой стороны, Бог представляется слишком гневным. И так одно заблуждение влечет за собою другое: Бог приравнивается к грозному земному королю, а святые к бургграфам или маршалкам, которые, приняв от просителей дар, могут укротить своим ходатайством гнев короля.

XXXV.

Евангелие прямо указывает, к кому должна быть обращена молитва: Господу Богу твоему поклонись и тому единому послужиши, сказал Христос дьяволу (Мат. IV, 10). Бог, создав человека, один хочет иметь над ним высшую власть, хочет от него любви и молитвы и один может исполнить желания человека, ибо один знает все тайны его сердца. Он сам лучше знает, когда и кому может сделать добро, чем человек, которому Он творит добро. Иной раз и святые молятся о том, что им кажется благом, а Бог не внемлет их молитве, ибо ведает, что кажущееся человеку благо не есть благо.

XXXVI.

Молитвы, обращенные к святым, не могут быть приняты ими и потому, что исполнены лицемерия, потому что люди, молящиеся святым, в то же время гnevят Бога тяжкими грехами. Наконец, нигде в св. писании нельзя указать примера, чтобы святые, даже находясь на земле, где они имели меньшее знание о Боге, принимали от людей божеские почести. Так, ап. Петр поднял Корнилия, когда тот упал к ногам его. Павел и Варнава не допустили жертвоприношения, которые хотели совершить в их честь; в апокалипсисе, когда ап. Иоанн пал пред ангелом, тот запретил ему делать это в другой раз. Но, заставляя молиться святым, апостолы антихриста утверждают в то же время, что молитва должна быть обращена к одному Богу. Вот как они рассуждают: Мы верим на основании св. писания и признаем, что святые на небесах помогают верным христианам на земле своими просьбами, и христиане могут желать от них помощи и просить их о ходатайстве, не вознося, однако, на святых того почитания, какое подобает лишь Богу, но чувствуя их в меру, насколько это прилично по отношению к святым. О, мудрые люди! Как вы славно подтыкались, бредя в большой грязи! Попробовали бы научить ветер, чтобы он в меру дул и лачуг не валил. Вы хотите, чтобы святых просили в меру, как будто вред большой будет, если их станут очень или сердечно просить. Ведь, чтобы иметь в них

помощников и ходатаев, нужно усердно просить их, чтобы они видели, как велико и искренне желание, а начнешь просить вяло, сонно, так они скажут: что вы, лицемеры, насмехаетесь над нами, шутите с нами! И все эти речи, как утверждают апостолы антихриста, основаны на св. писании. Но Христос не учит ничему такому, что причинило бы вред человеку, если он переступит меру: напротив, Он хочет, чтобы люди все, чему Он учит, творили без сомнения, без боязни, от чистого сердца, с полным желанием и рвением.

XXXVII.

Между тем сами великие ученые, требующие, чтобы святым молились в меру, переступают эту меру: молитвы, посты, праздники, обеды, обеты, добровольные лишения — все это подобает делать в честь одного лишь Бога. Когда бывает большое торжество в церквах, как не в праздники святых? Какой-нибудь монах, прославшийся святым, чествуется больше, чем Святое Воскресение. Вся эта честь, оказываемая святым и приличная скорее светскому императору, уничтожила истинное благопочитание, которое хочет Бог от людей, и которое состоит не в музыке и песнях, а должно исходить из души человеческой.

XXXVIII.

При всех этих заблуждениях относительно молитв к святым мы должны твердо держаться веры апостольской. Ап. Иаков говорит: Аще же кто от вас лишен есть премудрости, да просит от дающего Бога всем нелицеприемне и непоношающего, и дастся ему. Да просит же верою, ничтоже сумняся и т. д. (Иак. I. 5 — 6). Эти слова ясно указывают, что молитва должна быть обращена к Богу и соединена с верою и надеждою, напротив, молитвы, обращенные не прямо к Богу, а к святым, заключают уже в себе сомнение в том, что будут услышаны Богом. Из евангелия видно, что грешники прямо обращались к Богу, и Он исполнял их просьбы (мытарь, разбойник на кресте, жена хананейская). Теперь же люди сами не знают, кому молиться: то начнут молиться Богу, то Матери Божией, то святым, то примутся за „Отче наш“, то за „Верую“, то за „Богородицу“ и все это на одном месте и в одну минуту; собрав все в одну кучу, сами не знают, что лучше: Бог или святые, „Богородица“ или „Верую“.

XXXIX.

Пророки и апостолы сами не обращались за помощью к святым и других не побуждали к этому. Подтверждение находим в псалтыре, например: Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю (Пс. СХХ), и в др. мест.

XL.

Если бы молитвы святых за грешников были услышаны Богом, то они, без сомнения, содействовали бы исправлению грешников, а так как людей, молящихся святым, полон свет, то на земле не было бы больше грешников. Однако, мы видим, что те, кто больше всего служат святым, остаются по-прежнему грешниками, следовательно, или молитвы святых не доходят до Бога, или этих молитв не существует. Кроме того, говоря о милосердии святых к людям, ученые не могут утверждать, что милосердие святых предшествует милосердию Божию. Напротив, Бог есть безмерная благодать, благодать же святых имеет меру и получена ими от Него; точно также любовь Бога к грешным больше, чем любовь святых, именно потому, что Он безмерное благо. Следовательно, и поэтому нет надобности обращаться к святым.

XLI.

Далее, из св. писания мы знаем, что святые не ходатайствуют пред Богом за тех, кто подвергся гневу Божию: если бы они поступали иначе, то шли бы против Бога и не были бы святыми.

XLII.

Так, Бог запретил пророку Иеремии молиться за людей, которые прогневали Его своими грехами.

XLIII.

Если я восстаю против ходатайства за людей пред Богом, то это не потому, что считаю человека настолько святым, что нет надобности в ходатайстве, а потому, что на эти ходатайства рассчитывают такие люди. Напротив, истинного ходатайства, основанного на вере, мы не отвергаем, а желаем. О таком ходатайстве говорит ап. Иоанн: Чадца моя, сия пишу вам, да не согрешаете, и аще кто согрешит, ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа праведника. И той очищение есть о грехах наших: не о наших же точно, но и о всего мира (I Иоанн, II, 1—2). Все люди согрешили, один Христос без греха и, будучи Богом и вместе человеком, один может быть нашим ходатаем. Как и за кого Он ходатайствуешь, видно из Его слов: Аз о сих молю, не о всем мире молю, но о тех, их же дал еси им (Иоанн, XVII, 9). Следовательно, Он молится лишь за тех, кто презрели свет ради Него, уверовали в Него, приняли слова Его и пребыли в Нем до смерти.

XLIV.

Что я говорю здесь о ходатайстве Христовом, подтверждают и некоторые учителя церкви, например, св. Григорий Великий.

XLV.

Также и св. Августин, объясняя приведенные слова от Иоанна, признает ходатаем одного Христа и объясняет, что разногласие в людях поэтому вопросу возникло от гордости некоторых, которые говорили про себя. Мы праведники, мы оправдываем грешников, мы просим, мы упрашиваем. Из этих слов св. Августина видно, что размножение ходатаев возникло в то время, когда появились монашеские сброды, которые хвастались и лгали друг перед другом, говоря: мы праведники, мы очищаем нечистых, мы оправдываем грешных, мы просим, мы упрашиваем. И люди, слыша эту похвальбу, стали обращаться к ним за ходатайством, а если собственное ходатайство монахов приносило им мало денег, то они указывали людям на разных святых, ходатаев, как на более сильных

XLVI.

Так как этот учитель весьма разумно заключает из слов ап. Иоанна, что он не присвоивал себе права ходатайства, признавая себя грешным, то этим самым он дает знать, что ни апостолы ни другие праведники также не брали на себя ходатайство, признавая единым ходатаем пред Богом Ис. Христа. Иначе вера, данная Христом, была бы напрасна, если бы апостолы или иные святые присвоили бы ее себе, как напрасна она теперь старанием антихриста, который при ее помощи откармливает себе чрево.

XLVII.

И мистр Протива по поводу ходатайства пред Богом говорит: Поклоняться подобает Христу и нет надобности прибегать к святым для сношения с Ним, и безумен тот, кто стал бы искать другого ходатая. В первоначальной церкви молитва была обращена к Христу, и тогда церковь более преуспевала и росла во всем добром, чем теперь. Далее, основывают ходатайство святых на том, будто они, находясь на небе и не имея тела, приобрели большую благодать, чем здесь на земле и потому еще более заботятся о благе грешников. Но святые на небе не имеют уже того, что имели здесь, и, наоборот, здесь не имели того, что имеют там, следовательно, там они не могут уже творить добрых дел, которыми они могли бы заслужить спасение себе и быть полезным другим. Место и время заслуги здесь (на земле), там же ожидает только возмездие. Поэтому ап. Петр, зная, что по смерти не будет уже иметь возможности наставлять своих учеников во всем добром, обратился к ним с такими словами: Праведно мню,

донележи есмь в сем телеси восставляти вас воспоминанием, ведый, яко скоро есть отложение телесе моего, якоже и Господь наш Иисус Христос сказа мне. Потщуся же и всегда имети вас по моем исходе память о сих творити (II Петр. I, 13 — 15). Правда, что святые на небе возжены большею любовью к Богу, чем здесь на земле, будучи присущи Ему; но наслаждаясь полным блаженством и находясь в состоянии, далеком от того, в котором они были здесь, они уже не имеют нужды творить добрых дел на благо себе и другим, опочивают от всех трудов, забот и земных привязанностей.

XLVIII.

Наконец, говорят о святых, что они, пребывая в небесной радости, не могут не желать нам доброго. На это можно заметить следующее: На что нет в св. писании прямых указаний и что составляет божественную тайну, того не подобает ни слишком утверждать ни слишком отвергать, и если у святых есть более или менее добрых желаний по отношению к нам, за это мы можем только прославить Бога. Но странно делать из того закон, который должно признать за веру. Когда ап. Павел был восхищен до третьего неба, он не знал о самом себе, был ли он в теле или нет: Бог весть (II Кор. XII). Как же бы он мог допытаться там о желаниях святых?

XLIX.

Многие говорят о нас, что мы порицаем святых и ни во что их не ставим и что живущим здесь, на земле, людям нет от них никакой пользы и помощи. Это ложь. Напротив, основываясь на вере, мы признаем их сонаследниками будущего блага, верим в пользу и помощь, которую Бог определил им, приносить пребывающим здесь праведникам и за это мы благодарим Бога. Но без благодати Божией святые не могут быть нам полезны. Мы признаем, что говорится в символе веры: верую в общение святых. При разумном понимании слова эти означают, что никаким средством нельзя ближе стать к святым, достойнее почтить их и иметь от них помощь, как общением с ними в добродетелях, ибо слова эти не предназначены для одного исповедания их устами, а должны исполняться на самом деле.

L.

Прежде всего в символе говорится: верую в Духа Святого, святую соборную церковь, а потом уже: верую в общение святых, ибо Дух Святой производит это общение или товарищество святых, т. е. соединение членов в духовное тело Христово и соединение этого тела с главою его, Христом, посредством веры и любви. Это тело начинается первым святым, Авелем, и кончается последним святым, который народится перед Страшным судом. Всех этих святых мы называем церковью святою, невестою Христовою или таинственным телом духовным, которого глава есть Христос, которое всю

свою духовную мощь и жизнь берет из этой главы Христа. Следовательно, и каждый праведник, составляющий член этого тела, почерпает мощь и жизнь с той же главы. Общение святых, сколько их ни будет, заключается в том, что все они получают возмездие за свои добрые дела, и каждый будет иметь долю в вечной радости и славе, заслуженных всеми другими. В этом и состоит и та помощь, которой мы можем ожидать от святых, и ничем нельзя их лучше почтить как добрыми делами, чтобы и о том вместе вкушать общую радость.

LI.

К такому именно общению святых относятся слова И. Христа: Возведите очи ваши и видите нивы, яко плавь суть к жатве уже. И жнй мзду приемлет, и собирает плод в живот вечный, да и сеяй вкупе радуется и жнй (Иоан. IV, 35 — 36), Тут Христос делает различие между работниками: один сеет, другой жнет, третий собирает в житницу, а за стол садятся все вместе. То же самое и относительно духовных трудов: усилие каждого трудящегося в Бозе, послужит к радости всем святым. Общение святых не только будет, но есть и теперь; однако, кто сам не свят, тот будет отвергнут от участия в том благе, которым обладают и будут обладать святые. А свят только тот, кто не имеет смертного греха, а смертного греха может не иметь лишь тот, кто поистине будет пребывать в вере в Сына Божия и исполнять Его заповеди, любя ближних и даже врагов, как самого себя. А кто нарушает Его заповеди, тому не помогут ни храмы, ни алтари в честь святых, ни посты, ни молитвы, ни праздники, ни пожертвования, ни колокольный звон: все это для святых будет иметь такую же цену, как если бы кто им в лицо плевал. Святых можно чтить только самим собою, следуя их делам, которые служат для нас примером, и почерпая наставление к святой жизни из их писаний. Но люди этого не понимают и разумеют под церковью, как их учит духовенство антихриста, телесное соединение папы с кардиналами и другими прелатами, или иначе духовенство-очи, паны-руки, а мужики-ноги, и устройство этого тела состоит в том, чтобы одни дрались, другие молились, а третьи работали, чтобы двое ненасытных обжор ездили на мужиках и из их пота и страданий извлекали себе удовольствие. Вот что антихрист называет святою церковью.

П.Хельчицкий. **“Сеть веры”**

Источники текстов:

Пётр Хельчицкий. **“Сеть веры”**. Пер. с чешского Ю.С.Анненкова. 2-е изд., с пред. Л.Н.Толстого. М., "Посредник", 1907.

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 09.08.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.